

Мерцающие

Автор:

Марьяна Куприянова

Мерцающие

Марьяна Куприянова

«Мерцающие» – это сборник очень разных рассказов, созданных за долгие годы творчества и экспериментально собранных мною в единое целое. Я не планировала публиковать их, но читатели настояли на этой идее. Здесь на соседних страницах уживаются и экспедиции на другие планеты, и средневековые балы с мрачными замками, и бытовуха современного нам человека, и психические отклонения... Найти связь между всеми восемнадцатью рассказами я предлагаю Вам. Надеюсь, Вы с удовольствием прочтете эту книгу!

Содержит нецензурную брань.

Марьяна Куприянова

Мерцающие

Вечное очарование зла

(вставная новелла из романа Devil ex machina)

Крошечная деревенька затерялась где-то в дремучих лесах средневековой Европы. Среди ее немногочисленного населения бурлила жестокая, но

прекрасная в своей простоте крестьянская жизнь – с голодом, мором и неурожаями. Очаг цивилизации в виде королевского замка и прилегающих владений находился очень далеко отсюда – десять дней на быстрых лошадях занимала дорога к нему.

Как водится, в деревне все знали друга, словно близкого родича. Ни одна новость здесь не оставалась тайной – от пропавшего ягненка до протухшего пирога. Но без сплетен и фальши жили эти простые люди, в единой сплоченной семьей, внутри которой нет смысла таить что-то от ближнего.

Жил здесь строгий отец с дочерью, чья мать умерла при родах много лет тому назад. Девушку звали Фиона, что в переводе с греческого – «божественная». Она была гордой и с безразличием относилась к шумным гуляниям сверстников, что составляли добрую треть населения. Отец-лесоруб, воспитавший ее в суровости, привил дочери любовь к полезным занятиям и одиночеству, поэтому веселье и праздность не привлекали Фиону даже когда она повзрослела.

Местные юноши готовы были положить на нее глаз, если бы не боялись отца, который не горел желанием лишаться единственной помощницы, выдав ее замуж. Фиона тоже не стремилась покинуть отчий дом, а к ухаживаниям оставалась равнодушна. Гармонию для себя она находила в помощи отцу и жителям деревни. Несмотря на возраст, Фиона умела охотиться с ножом и луком, рыбачить, колоть древесину и даже самостоятельно выстроить небольшое жилище.

Отец гордился дочерью, которую многому обучил. Фиона отличалась от других девушек и юношей ее возраста – ее мысли и занятия не соответствовали ожиданиям. Однако, зная ее с детства, жители давно смирились с необычным нравом девушки. Она стремилась работать наравне со взрослыми и легко могла пойти с отцом на крупного хищника. Ее уравновешенный характер ставили в пример деревенской молодежи, а старики любили ее за жизненную энергию, благодаря которой Фиона оказывала посильную помощь тем, кто не справлялся со своим домом и скотом.

Но идиллия не может длиться вечно, и одним дождливым вечером в размеренную жизнь деревни ворвалась взбесившаяся лошадь, несущая в седле бессознательное тело. Мужчины с трудом остановили животное и сняли всадника, который оказался тяжело ранен. Дорогие одежды были вспороты на боку и на ноге, кровь расплывалась большими темными пятнами. Также в крови

были руки и волосы юноши. Он казался совсем безжизненным.

Тело расположили в теплом хлеву, на сухом сене, и первым делом позвали знахаря. Тот подтвердил, что всадник находится на грани жизни и смерти, но если принять немедленные меры и соблюдать все условия лечения, может поправиться. Юношу раздели, выгнав любопытствующих девиц, которые на своем веку видели очень мало приезжих. Промыв и обработав раны, тело перевязали и облачили в чистые одежды из грубой ткани. Знахарь пообещал приготовить отвар из особых трав, которым необходимо поить раненого, когда он придет в себя, и удалился. Также нужно было каждые несколько часов промывать и обрабатывать раны выданными настойками, перевязывать их чистыми тряпками во избежание воспаления. С этим мог справиться почти любой, но предстояло решить, кто именно будет ухаживать за раненым.

Смятение и волнение постигло жителей деревни в тот злополучный вечер. Они были добрыми людьми, но не жаловали чужаков и с подозрением относились к ним. Потому что чужаки часто приносили неприятности, а стремление помочь им оборачивалось досадными последствиями. Один из мужчин, что раз в полгода отправлялись в королевские владения на ярмарку, не сразу признал в раненом всаднике опального любимца правящей семьи, который чем-то провинился и был изгнан за пределы дворца некоторое время назад.

– Я слышал, он колдун или вроде того.

– А я слышал, что он пытался соблазнить королевскую дочь, тут-то его и прижучили.

– А я слышал, что попытка его очень даже удалась, поэтому его и прогнали.

– Стойте, ей же всего двенадцать!

– Вот именно.

– Он был правой рукой Ричарда. Король любил его.

– А стал никем.

– Власть портит людей.

– Нам нужно объявить о собрании немедленно.

На собрании присутствовали избранные населением мужчины и женщины – самые грамотные и работоспособные, несколько умудренных стариков и Фиона, попавшая в этот список наделенных ответственностью благодаря своим умениям, спокойному нраву и примерному поведению. Она была здесь самой молодой, но к ней уже привыкли. Ни у кого не вызывало сомнений ее принадлежность к избранным.

Глава собрания кратко обрисовал ситуацию.

– Молодой человек, который сегодня всех всполошил, предположительно бывший придворный фаворит. Есть слухи, что он соблазнил дочь короля (или пытался это сделать), был пойман и изгнан за свои поступки. Но правда ли это или чья-то клевета, мы, живущие здесь и далекие от политических игр, не можем знать наверняка, и спросить нам не у кого.

– Должно быть, он был в бегах и долго скитался. Видели, какой худой?

– Да, но кто ранил его и за что? Раны совсем свежие.

– Наверняка его преследовали и пытались убить! А просто так людей не убивают. Значит, натворил дел.

– Это у нас в деревне просто так не убивают. А там, в большом мире, возможно все.

– Согласен. К тому же, на него могли напасть лесные разбойники.

– Может быть, он вообще не тот, за кого мы его принимаем!

– Да что у него красть-то? При себе ни гроша.

– Именно поэтому и ни гроша, дурень! Может, на него напали и украли все ценное, а лошадь сбежала и тело утащила. Все равно места тут нелюдные, а

волки – голодные. Поэтому и не стали добивать.

Так спорили жители деревни, пока не пришли к единому мнению:

– Что бы он ни натворил, а нам он зла не делал. Оставим его, подлечим, а потом будем разбираться. Сейчас он не опасен.

– Он-то нет, а если за ним приедут? Его могут разыскивать, чтобы добить, а мы его укрываем...

– Спрячем его.

– А если он действительно дурной человек? – возмутилась Фиона. – Это неразумно и наивно – вставать на его сторону, ничего не зная. Он может притворяться, а потом навредить кому-то.

– Даже если он дурной, это еще не делает всех нас такими же. Поэтому, не зная наверняка, почему он попал в такое положение, мы не можем дать ему умереть. В жизни всякое бывает. Как только он придет в себя, мы его об этом спросим.

На том и разошлись. Свободных от тяжелой работы рук в деревне было немного, поэтому выхаживать раненого отправили добровольцев, а именно – девушек, которым внезапный гость (и его дорогие одежды) приглянулся. Чтобы заботиться о нем, девицы создали расписание, по которому сменяли друг друга, и каждая ожидала, что именно в ее присутствии статный юноша раскроет глаза, исполненные благодарности.

Фиона была не в восторге от происходящего, но молчала из уважения к совету, частью которого являлась, а потому привыкла доверять. Если слухи о нем – правда, то направлять ухаживать за ним девушек было глупой затеей. Однако мужчины не могли этим заниматься, как и сама Фиона – оставалось много более важных для деревни занятий, которые некому было выполнять, кроме них.

Новый ажиотаж пронесся несколько дней спустя, когда юноша ненадолго открыл глаза, но так и не смог ничего сказать. Его лихорадило, то и дело он терял сознание. Знахарь утешил: это хороший знак, его организм борется с заразой, подхваченной при ранении и переохлаждении. Неизвестно, сколько

лошадь несла его на себе под дождем, в беспамятстве. Внешне юноша действительно казался более здоровым, чем ранее. Проверив раны, в том числе и на голове, знахарь заключил, что гость, вероятно, мог потерять память от сильного удара в затылок.

– Как удачно, – заметила Фиона, и все повернулись на нее в недоумении. – Что? Если он ничего не вспомнит, мы не узнаем правды. Сдается мне, потерять память ему очень даже выгодно.

– Как ты можешь быть такой злой? Посмотри на него, он же чуть не умер! Неужели ты считаешь, человек может специально потерять память?

Девушки продолжали жалеть раненого, а взрослые неуверенно переглядывались, понимая, что в чем-то Фиона права, проявляя четкое недоверие. Раны затягивались очень медленно из-за общей слабости организма, поэтому едва юноша приходил в себя на минуту или более, его пытались накормить или хотя бы напоить, но тщетно. Есть он не мог, как не мог выговорить и слова, с ужасом осматривал всех и впадал в беспамятство.

«Крепко же ему досталось», – с сочувствием говаривали мужчины. Вскоре жар начал спадать, и знахарь предрекал скорое пробуждение. Ранним утром возвращаясь из леса, где проверяла капканы, Фиона увидела, что юноша, шатаясь, выходит из хлева один, держась за перебинтованную голову. Она бросилась к нему со всех ног, чем сначала напугала его. Завидев беззвучно мчащуюся на него фигуру, юноша отшатнулся и чуть не упал, нелепо взмахнув руками. Фиона разозлилась и на него, и на сменщицу, которая спокойно спала внутри, не уследив за вверенным ей подопечным.

– Куда ты собрался? Идем, тебе нужно лечь на место.

– Кто вы такая? – юноша с неохотой оперся на ее плечо и поплелся рядом, прихрамывая.

– Хотелось бы узнать для начала, кто ТЫ такой. Ложись.

– В голове какой-то сумбур. Ничего не могу понять. Где я?

– Сиди смирно.

Фиона разбудила спящую и отправила сообщить обо всем старшим.

– Тебя еще допросят наши мужчины. Возможно, с ними ты что-нибудь вспомнишь.

– Это угроза? Меня будут пытаться? Кто вы такие?

– Нам незачем тебя пытаться. Мы спасли тебе жизнь.

– Правда? – юноша осмотрел повязки, побагровевшие от резких движений.

– Тебе бы сейчас лучше лежать спокойно.

– Где моя лошадь?

– Сбежала. Ты тоже хочешь сбежать?

– Я не знаю, кто вы. И где я. И почти ничего не помню.

Фиона внимательно наблюдала за эмоциями на его хорошеньком поздоровевшем лице. Она ненавидела лжецов и умела с ними обращаться, но этот, кажется, говорил искренне.

– Мы – люди, которые спасли тебя и вытащили с того света. Зла мы тебе не желаем.

– А что вам нужно?

– Правда.

– Если бы я сам ее знал...

– Как твое имя?

Юноша задумался, прикрыл глаза и откинул голову на широкую деревянную перекладину.

– Яс... Ясперс. Меня зовут Ясперс. А тебя?

Распахнув большие голубые глаза, юноша воззрился на нее снизу вверх. Его обеспокоенный взгляд внушал доверие. Фиона не успела ответить, как ее окликнул голос отца снаружи.

– Фиона! Ты в порядке?

– Да, – отозвалась она. – Вот он. Пришел в себя и, наконец, нормально говорит.

Отец и остальные приблизились.

– Даже имя свое вспомнил, так что не все потеряно.

– Добрый день, – сказал Ясперс, подобравшись, с опаской оглядывая рослых мужчин. – Эта девушка сказала, что вы спасли мне жизнь. Если это так, я премного благодарен вам. Похоже, жизнь – это все, что у меня осталось, так что я не сумею вам ничем отплатить.

– Мы сделали это не ради награды. Как тебя зовут?

– Ясперс.

– Понятно. Значит, тот самый.

– Что это значит? – уточнила Фиона.

– Приближенный короля, изгнанный за... некую провинность, – ответили ей, избегая острых углов.

– Меня оклеветали.

– Значит, память к тебе возвращается?

– Не ручаюсь, что помню все, но готов ответить на ваши вопросы.

– Хорошо. Такой разговор нас устраивает. Но для начала дадим парню поесть, что скажете? Он еле держится в сознании.

Ясперс ел самую обычную деревенскую еду с большим аппетитом и без стеснения, чем заслужил естественное одобрение. Лишь доев все до последней ложки, он заговорил. Избалованным или брезгливым его вряд ли можно было назвать, но все же по манерам и говору было очевидно, что он долго жил при дворе. Светская жизнь оставляет крепкий отпечаток, особенно заметный простолюдинам.

Фиона присутствовала при опросе Ясперса и тоже задавала свои вопросы с подвохом. Ей хотелось припоймать его на обмане или неточности, которые обязательно всплывают, если человек врет. Но несмотря на то, что юноша рассказывал сбивчиво и многое вспоминал по ходу разговора, ничто внутри его истории не противоречило друг другу, а даже наоборот – внушало доверие своей на первый взгляд бессвязностью и последующей ясностью.

Его не в чем было упрекнуть или заподозрить, но Фиона от этого лишь напрягалась еще сильнее. Бдительность остальных значительно притупилась после двухчасовой беседы с Ясперсом. Он произвел впечатление благочестивого, воспитанного и хорошо образованного юноши, который перешел кому-то дорогу и был бесчестно опорочен в глазах правящей семьи. Его заключили в темницу, но с помощью добрых людей, не поверивших в ложь, Ясперсу удалось бежать и скрываться в непроходимых лесах. Пропажа быстро вскрылась, его искали и преследовали, чтобы убить. В тот вечер он был обнаружен недоброжелателями, и в схватке с ними получил тяжелые раны. Лошадь спасла его, умчав прочь и затерявшись в лесу, а дождь размыл ее следы, отчего, видимо, его не смогли преследовать, чтобы добить. Больше он ничего не помнил, так как потерял сознание.

Выслушав правдоподобную историю Ясперса, жители удалились на собрание, а юноше дали отдохнуть. Фиона настояла, чтобы с ним оставили надзирателя на всякий случай. Она не доверяла Ясперсу и даже не собиралась скрывать этого от него. Молодой человек не выказал обиды, что сыграло в его пользу. После допроса он выглядел обессиленным и хотел побыть в покое. Никому и в голову не могло прийти, кроме Фионы, что Ясперс в таком состоянии замышляет побег

или нападение. Он выглядел слишком слабым. Но, решив перестраховаться, к ней прислушались и оставили молодого парнишку настороже.

На этот раз совет был на удивление недолгим – Ясперсу поверили, а Фионе нечего было возразить. Пока что. Пришлось смириться с решением долечить гостя и отправить на все четыре стороны. Утешало то, что знахарь обещал скорое выздоровление. Ясперс ни у кого не вызывал двойственных чувств, подозрений или тревоги. Его восприняли как человека, не способного ко злу, оказавшегося не в то время и не в том месте. И даже Фионе с течением времени стало казаться, что она перегибает палку.

Этот юноша действительно жил при дворе, сомнений не осталось: он был учтив, эрудирован, витиевато изъяснялся. Фиона ни разу не сидела с ним, но часто слышала от других девушек, как много увлекательных историй знает Ясперс и как чудно он порой разговаривает.

Спустя время он стал выходить на прогулки, которые можно было назвать активными лишь с натяжкой. Сердобольные девушки курировали его перемещения, опасаясь неосторожного шага и падения, но Ясперсу смертельно надоело валяться в хлеву – он хотел двигаться и дышать свежим воздухом. Ему помогали, в ответ он вел себя дружелюбно. Мужчины подобрали к нему: по крайней мере, он не трогал их дочерей, даже наоборот – обучал этикету, читал им немногочисленные книги, что нашлись в деревне, знакомил с иностранными языками, которых знал много даже для образованного человека.

Девушкам было интересно проводить с ним время и заботиться о нем, но Фиону не покидали смутные подозрения. Ее тоже звали пообщаться с Ясперсом, но слышали лишь язвительное «у меня нет времени на пустые разговоры» в ответ. Она догадывалась, зная местных девиц, что некоторые из них, особо амбициозные, планировали обворожить Ясперса и уехать с ним из этого богом забытого места, вырваться в другую жизнь, с балами и нарядами, без голода и тяжелого ежедневного труда.

Такие мотивы были очевидны и предсказуемы, не стоило винить мечтательниц в дерзких планах на будущее. Однако Ясперс вовсе не собирался открывать кому-либо сердце. За полторы недели пребывания здесь он не выглядел ни капли влюбленным или очарованным. Дружелюбен и учтив со всеми одинаково, он всегда знал меру – в нем отчетливо читался бывший придворный фаворит, привыкший вести политические игры ради личной выгоды, любезничать со

всеми, но держать дистанцию. Эта догадка позволила Фионе заподозрить Ясперса в неискренности и сокрытой корысти и вдоволь поразмышлять над этим.

Юноша медленно, словно нехотя шел на поправку, признаваясь, что с радостью остался бы жить здесь, да боится навлечь беду на хороших людей. Едва раны подзатянулись, его прогулки стали более частыми. Он даже настаивал на том, чтобы помочь мужчинам в охоте или ремонте, но никто его не пускал заниматься серьезной работой.

– Фиона же помогает вам, почему я не могу? Видите, я же стою на ногах и могу выполнить посильный труд. Мне совестно, что я живу тут бесплатно и объедаю вас.

Фиона лишь фыркнула на это и отвернулась.

– Фиона не помогает нам, она работает с нами наравне, – объяснили ему. – Но Фиона делает это давно, ей в привычку. К тому же у нее нет швов, которые могут разойтись. Набирайся сил, а об оплате поговорим позже.

Мучимый совестью, Ясперс отправился бродить в компании нескольких девушек, для которых стал и развлечением, и предметом страстной ревности. Фиона ловила себя на мысли, что тем чаще думает о Ясперсе, чем ближе его выздоровление. Она подозревала его, ждала подвоха в этом чистом невинном мальчике, гримасу злости на светлом лице, хоть на секунду! Но Ясперс не давал ей шанса. Он был идеален и не совершал необдуманных поступков. Будто специально он был таким осторожным, чтобы лишить бдительности остальных.

Вскоре на совете Фиона подняла вопрос о том, не слишком ли Ясперс уже здоров, и не пора ли отпустить его на все четыре стороны. К юноше отправили знахаря, но оказалось, что одна из ран воспалилась и загноилась, что причиняло Ясперсу боль, о которой он стеснялся рассказывать. Его отчитали за прогулки и приказали никуда не выходить до полного выздоровления. Вновь ощущая себя узником, Ясперс просил прощения за свои ранения и обещал вскоре покинуть деревню.

Следующей ночью Фиона, возвращаясь с охоты, проходила мимо хлева и услышала странный шум, сопровождающийся недвусмысленным шепотом и постаныванием. Она решила, что находиться здесь сейчас не должна вовсе, а

значит, и влезать не будет. Ей было стыдно за попытку следить за Ясперсом, поэтому она направилась к себе, оставив происходящее на совести девицы, которая добилась своего. Возможно, она уже не первая, а если так и дальше пойдет, вскроется это быстро. Казалось большой глупостью прерывать чьи-то ночные утехы, даже если это был Ясперс. Не оттого ли его раны никак не затянутся? А знахарь грешит на невинные прогулки.

Происшествие так и осталось бы тайной для многих, если бы ближе к рассвету Фиона, не в силах сомкнуть глаз, не сидела у окна. Она стала свидетелем того, как со стороны хлева убегает босая девочка в разорванном ночном платье, с сеном в волосах. У Фионы перехватило дыхание. Этой девочке едва стукнуло одиннадцать. Даже для здешних нравов это уже слишком.

Вот ты и попался, мерзавец, вот ты и попался. Так думала Фиона, шагая туда, где мирно дремал Ясперс. Не издав и звука, она разбежалась, чтобы пнуть спящего по животу. Затем не сдержалась и пнула еще раз. Согнувшись от внезапной боли, Ясперс бормотал что-то еле слышимое, поднимая руку для защиты. Взгляд Фионы упал на топорик, торчащий из бревна неподалеку от входа.

– Как ты посмел... испортить девчонку! Как ты мог? Чудовище! Целая деревня взрослых девок, а ты!..

Честные глаза Ясперса расширились – то ли от удивления, что его раскрыли, то ли от страха, что ладонь Фионы легла на топориче.

– О чем ты говоришь? Фиона, успокойся!

– Я слышала вас ночью. Я видела ее утром. Я не идиотка.

– Значит, ты не видела нас вместе, – сказал он с некоторым облегчением. – С чего ты взяла, что я ее... что я что-то сделал с нею?

– Порванное платье. Волосы в сене.

– Могла порвать, когда убегала.

– Значит, она была здесь! – выдернув топор, Фиона обернулась.

– Была, не скрою... И хотела того, о чем ты говоришь.

– Ты отказал?

– Она же ребенок!

– Кто был у тебя ночью?

– Этого я не могу сказать... У нас уговор, мы все держим в тайне.

– Не смей увилить! Разрублю на части.

– Фиона, стой. Успокойся. Я не насильник, но я мужчина. Они сами ко мне приходят!

– ОНИ? И сколько же их?

– Честно сказать, я не столь тщеславен, чтобы считать их... Но обидно, что среди них нет тебя.

Она скривилась от грубой лести.

– Фиона, ты привлекательная девушка. Самая красивая в деревне. Смелая, бесстрашная и сильная. О, как я мечтал, что вместо них всех за мной будет ухаживать та, что даже не смотрит в мою сторону! Но ты слишком хороша для меня. Я тебя не достоин.

Ясперс попытался встать, но Фиона направила руку с топором в его сторону, и юноша осекся.

– Скажи мне одно: что ты не трогал эту девочку.

– Как ты могла заподозрить меня в такой гнусности!

– Скажи мне это. Скажи, Ясперс.

– Не трогал я ее. Хотя она и очень просила. Хотела, чтобы я стал ее первым мужчиной. Была уверена, что ей уже пора. Я на силу ее прогнал, хотя она пыталась... в общем, с хорошей сноровкой девчонка. Весьма упрямая. А у тебя, Фиона, есть ухажер?

– Если ты врешь, я об этом узнаю.

Она вздохнула и отправилась в дом, где жила эта девочка. Разбудила родителей и рассказала все, что видела и слышала, оставив на них последующие разбирательства. Девочка так сильно смутилась и совсем не выглядела жертвой, поэтому в душу Фионы закрались сомнения. Наверное, зря она его ударила, не разобравшись во всем для начала. Однако она и не думала извиняться. Вместо этого девушка убедилась в том, что Ясперс не сбежал, и созвала совет, где доложила, что юноша уже достаточно здоров, чтобы совращать местных девушек.

Вполне естественно, что возмущенные жители отправились разбираться. Ясперс невинным ангелом посапывал на прежнем месте, что несколько удивило всех. В ходе очной ставки ситуация вывернулась неожиданным образом. Девочка ни в чем не признавалась (запугана им или боится, что взрослые узнают, что это была ее затея), а историю с девушками, которые якобы посещают его по ночам, Ясперс выдумал, чтобы вызвать ревность Фионы. Она была рядом, когда он сказал это мужчинам прямым текстом, и те смутились, почувствовав себя свахами.

– Да он врет, я сама все слышала!

Отец верил дочери, но остальные отказались разбираться в сердечных делах молодой крови. Некоторые же, припомнив изначальную придирчивость Фионы и ее недоверие к гостю, и вовсе стали на его сторону, предположив, что девушка может наговаривать из вредности. Фиона, что всегда была примером спокойного нрава и благоразумия, по щелчку пальцев преобразилась в нервную ревнивицу, а ее благородная ярость лишь подливала масла в огонь.

– Если он совращает наших девушек, почему все они молчат?

– Откуда я знаю? Может, они влюбились в него.

– Вот прямо-таки все? До единой.

– Фиона, не связывайся с ним.

– Отец, но я слышала! И видела, как девчонка убегала от него – растрепанная, в порванном платье!

– Тебя послушать, так ты только и делаешь, что ходишь рядом с хлевом, все видишь и все замечаешь, в отличие от других.

– Не стоит так говорить, – вступился отец, пока Фиона пыталась вернуть дар речи. – Она работает наравне с нами, и ее наблюдения могут быть совпадением.

– А могут быть выдумкой. Пусть эти двое сами разбираются между собой, кто кому нравится, а кто нет. Вот, что я думаю. Это не дела совета.

– Правильно! Да!

– Раз уж на Ясперса пало такое подозрение, мы не должны это игнорировать. Мы больше не можем оставлять его с нашими дочерьми, как бы ни выглядели его раны. Фиона больше всех прочих подозревает его, она не даст ему спуску и может постоять за себя. Пусть она за ним и приглядывает.

– Что скажешь, Фиона?

– Я-то могу, а толку? Вы мне все равно не верите.

– Чтобы поверить, одного твоего слова недостаточно. Нужны доказательства. Ты больше всех хочешь его спровадить. Значит, в твоих интересах проследить, чтобы никто к нему не ходил, и раны скорее затянулись.

– Если вы назначаете меня надсмотрщиком, я требую и соответствующих полномочий.

– Каких?

– Применение силы при нападении, сопротивлении или побеге.

– Фиона! Зачем мне на тебя нападать? – подал голос Ясперс, прежде внимательно слушавший.

– А зачем обманывать? Зачем устраивать этот цирк и делать из меня ревнивую дуру? Почему мне знать, что у тебя на уме.

– В общем, так. Фиона, раз уж ты, как говорится, единственная не попала на его чары, тебе за ним и присматривать. Если он действительно на тебя нападет, в чем я сомневаюсь, можешь делать с ним все, что хочешь, даже зарубить вот этим топориком. От лица совета разрешаю тебе. Ты согласна на такие условия?

Фиона смотрела в открытое лицо Ясперса, который и не думал возражать. Конечно, ведь возражение с его стороны вызовет недоверие. Он почти улыбался, как будто только что добился своего. Как будто все шло по его плану.

– Согласна, – сказала она, и когда мужчины ушли, добавила, – я превращу твою жизнь в ад. Надеюсь, ты это понимаешь.

– Прости, что так получилось. Ты действительно мне нравишься. Я рад, что мы будем больше времени проводить вместе! – крикнул он ей вслед, но вставать не решился – живот все еще болел от ударов.

Волей-неволей Фионе пришлось находиться в его обществе. Она приносила Ясперсу еду и питье, дезинфицировала раны и меняла повязки. Но все время находиться рядом с ним она не могла, тем более, сторожить ночами. И что-то подсказывало ей, что визиты девушек продолжаются. Может, хорошее настроение Ясперса, а может, его раздражающе честные глаза.

Хуже всего было то, что он начинал беречь ее фантазии, прежде мирно спящие и не мешавшие жить. Каждый раз, как она посещала его, юноша пытался разговорить ее, шутил и по-доброму провоцировал на контакт. Его дружелюбие и искренность, не теряющее силы желание узнать Фиону поближе, равно как и мужская настойчивость все-таки одержали верх. Стоило ей всего

один раз из любопытства поддаться на его уговоры и остаться с ним ненадолго, спустя время Фиона не могла спокойно спать. Смыкая глаза, она видела его очаровательное лицо, и оно улыбалось ей.

Слишком долго она оставалась равнодушна к противоположному полу, и именно сейчас, когда это было так не к месту, природа решила взять свое. Тело требовало того, от чего отказывался разум, но схватка была неравной. Фиона не могла сопротивляться. Словно гончая, натренированная приносить дичь, Ясперс был натренирован соблазнять женщин. Отказов он не встречал, а если и бывали промахи, такие, как с Фионой поначалу, он решал их методичными настойчивыми действиями.

Фиона влюбилась без памяти, это было похоже на морок. Она искренне недоумевала, как могла презирать Ясперса ранее и подозревать в чем-то его чистую душу. Отныне она стала его единственным ночным гостем, и эти свидания дарили ей мучительную сладость запретных отношений. Вскоре Ясперс потребовал большего, и Фиона без колебаний отдала ему желаемое, раскинувшись на теплом сухом сене.

Ясперс клялся в любви и обещал забрать ее с собой, что окончательно затуманило ей разум, заставив забыть даже об отце. Со дня на день его выздоровление должен был подтвердить знахарь, но прямо накануне этого в деревню прискакали два всадника в королевских доспехах. Ясперса спрятали в погреб и накрыли одеялами из овечьей шерсти. Для беседы с гостями созвали совет, благоразумно решив не вступать в сражение и не раскрывать карт.

Под покровом ночи, в свете костра королевские ищейки поведали, что разыскивают опасного преступника, который растлевал малолетних, доводил людей до самоубийства и неким образом спутался с нечистой силой. Долгое время благодаря своим особым умениям и дьявольской помощи он находился в числе приближенных короля, но случайным образом его истинная сущность была раскрыта. Тяжело пострадала дочь монарха, но как именно – не разглашалось. Она чудом осталась жива, однако после случившегося жить ей уже не хотелось.

Король бросил все силы, чтобы найти бежавшего подчиненного, но ни одна дружина не могла справиться с ним, если удавалось нагнать его. Почти неуловимый, он был так силен, что в одиночку оставлял за собой горы трупов, лишая жизни лучших воинов, чем подтверждалась его сделка с нечистой силой.

– Так почему же вы отправились за ним вдвоем? Разве это не верная смерть?

Всадники переглянулись, решаясь, рассказывать или нет.

– На самом деле мы не совсем те, за кого себя выдаем. Мы – бывшие священники, и облачены в эти доспехи для маскировки и защиты. Силой его не взять, но мы знаем, что делать с этим отродьем и каким оружием его убить. Осталось лишь найти его. Он бродит где-то в этих лесах, так что будьте осторожны.

– Как же он выглядит? – спросил отец Фионы, ибо все уже предчувствовали неладное.

– Внешность его весьма обманчива, поведение благочестиво, и речи сладки и соблазнительны, словно медовый напиток. Можно долго находиться рядом с ним и не заподозрить ничего плохого. Он выглядит как юноша ангельской красоты, с золотыми волосами и ясно-голубым взором, однако душа его проклята, и вместо нее внутри он носит тьму прямо из преисподней. Заметить ее можно только в самый последний момент, когда уже будет поздно.

Переглянувшись с отцом, Фиона едва заметно кивнула.

– Неужто и впрямь демон вселился в юнца? Как же нам узнать, что это именно он? Мало ли, какого путника занесет в эти края?

– Скорее всего, он будет хромать. В последний раз мы сильно ранили его, но он ушел, украв одну из наших лошадей. Скажите нам честно, прямо перед господом: не скрываете ли его у себя? Не поддались ли на его уговоры? Податься к людям, прикинувшись невинной жертвой, и злоупотребить их доверием – в его манере. Поверьте, незачем его спасать. Одну беду он вам принесет.

Фиона отвернулась, зажав рот рукой, но продолжила слушать, ведь самый главный вопрос еще не задали.

– Как его зовут?

– Его имя – Луций Ясперс.

Члены собрания поднялись на ноги в единодушном решении. Фиона умоляла, чтобы они этого не делали, но мужчины были непреклонны и отвели священников к подвалу, где скрыли Ясперса.

– Почему эта девушка кричит и плачет?

– Отец, все это ложь, ведь он предупреждал нас с самого начала, его оклеветали и хотят убить! Мы не должны отдавать его.

– Вижу, он провел с вашей дочерью слишком много времени. Убить его не так уж просто, к сожалению. Зато он прикончит любого из нас, не моргнув и глазом.

– Папа, нет! Не слушай их. Он хороший. Я точно знаю. Я люблю его!

– Уведите девушку. Она может навредить себе. Сейчас это нужно меньше всего. Поверьте нам, ибо мы несем слово божье и истребляем таких тварей, как он, отправляя их туда, где им самое место. Как только он увидит нас, вы поймете, что мы говорили правду, и ваша совесть будет чиста.

Речи священников были спокойны и вразумительны, хотя они схватились за странные кинжалы и готовилась к бою.

– Фиона, отойди подальше. Открываем крышку. Готовы? Поднимай!

Несколько человек согнулись над проемом, освещая факелами пустой подвал и щурясь в недоумении.

– Ожидаемо, – с некоторым облегчением произнес мужчина, медленно опуская сверкающий кинжал. – И подтверждает наши слова, не так ли?

– Что же нам делать дальше?

– Для начала – предупредить всех об опасности.

– Он вернется?

– Более чем уверен. Здесь много еды... А еще она, – священник кивнул на Фиону, заправляя крест под рубаху.

– Поклянись памятью матери, что не станешь помогать ему, – потребовал отец, схватив ее за плечи.

Но девушка молчала, ее голова и руки тряслись. Сколько бы отец ни кричал на нее, она ничего не могла вымолвить, ибо рассудок ее давно понял, что священники не лгут. Фиону заперли в доме, чтобы обезопасить, а также исключить пособничество. Мужчины придумали план, который она не должна была знать. Священники заверяли, что девушка у него на крючке, а за такими он всегда возвращается.

– Зачем ему она?

– Пленница – залог его безопасности. Это во-первых. Ну, а во-вторых... наверняка он продумал пути отхода, и в глухом лесу ему не помешает еда.

– Еда?!

– Скитаясь там, где не водится даже зверь, чтобы спрятаться от нас, это чудовище будет нуждаться в пище.

– Он что же... людей ест?

– Как это ни ужасно, но да. Такое бывало ранее. Скорее всего, вашу деревню постигла бы та же участь, если бы не появились мы. Люди стали бы пропадать по одному. Постепенно. Сначала – девушки, которых он успел... обворожить. Потом и остальные. Таким образом он истребил уже одно поселение на севере королевства.

Пока мужчины, проклиная свою доверчивость, прятали детей и жен, Фиона сидела взаперти и не могла вымолвить и слова. Она догадывалась, что Ясперса будут искать, что ему устроят ловушку, но что же делать ей? Она не могла сидеть сложа руки и ждать финала, нет, ее натура была иной. Фионе требовалось решить, какую сторону она принимает. Разум настаивал встать на сторону тех, с кем она прожила всю жизнь, но сердце было сильнее, любящее

сердце чувало подвох, оно не теряло надежды.

Ясперс не явился ни этой, ни следующей ночью, но священники призывали не терять бдительности и потратить время на подготовку к битве, ведь чудовище копит силы как раз для этого. Но не все верили, что Ясперс планирует вернуться, больше верилось, что он сбежал подальше отсюда, чтобы не встречаться с теми, кто может его убить. Внимательность дозорных ослабла, что позволило гостю пробраться к дому Фионы. По стечению обстоятельств она не спала, а потому сразу услышала шуршание. Приблизившись к окну, она увидела Ясперса и не стала поднимать тревогу. Одного взгляда хватило, чтобы она решила, на чьей стороне останется до конца.

– Тише, прошу тебя! – прошептал белокурый юноша, подзывая ее. Его взгляд обезоруживал. – Фиона, я так скучал. Как жаль, что я не могу сейчас обнять тебя, это разрывает мне сердце!

– Ясперс, милый... как ты? Они ищут тебя и хотят убить.

– Я знаю, душа моя. Не могу на тебя насмотреться...

– Я пыталась остановить их, но меня просто заперли здесь. Я ничего не смогла сделать!

– Не волнуйся, я не сомневаюсь в тебе. Я вовремя понял, что их речи будут слишком убедительны, и успел сбежать, к счастью! Фиона, я не в первый раз попадаю в такую ситуацию. Наверное, это мое проклятие. Они – страшные, жестокие люди, наемные убийцы, которые будут говорить, что угодно, лишь бы очернить меня ужасным образом, выставить чудовищем. Неважно, что они рассказали на этот раз, ведь никаких доказательств против меня у них нет и не может быть. О, Фиона, как болезненна разлука с тобой.

– Мне все равно, что они говорят. Я верю тебе! Ты должен бежать отсюда. Оставаться опасно. Я думаю, они готовят для тебя ловушку.

– А как же ты? Что бы они ни задумали, я не уйду отсюда без тебя. Наши судьбы связаны навсегда. Я увезу тебя. Я... найду способ. Мы сбежим, поселимся далеко-далеко, где никто не будет знать моего имени. Туда, где рука короля и его приспешников не будет иметь власти. Я хочу жениться на тебе и жить

спокойной человеческой жизнью. Фиона, разве тебе не хочется того же самого?

– Хочется больше всего на свете. Но, Ясперс, я сижу взаперти, под охраной. Сбежать мне не дадут, я уже пыталась.

– Верь мне, я что-нибудь придумаю. Фиона, я люблю тебя всем сердцем, помни это. Их слово против моего! Я приду следующей ночью, не смыкай своих чудесных глаз.

Ее сердце трепетало от радости, но Ясперс не явился следующей ночью, и девушка обеспокоилась. Его могли поймать, но скрыть это от нее, зная, что она его любит. На рассвете Фиона решила бежать и не встретила сопротивления. Ее надсмотрщиков не было на прежнем месте, что взволновало еще больше. Едва занималась на востоке багровая заря. Что-то случилось этой ночью. Что-то нехорошее.

В деревне словно не было ни души, и Фиона поспешила в хлев, где так много времени провела с Ясперсом. Ноги сами понесли ее туда, и оказалось, не зря. Дыхание перехватило, когда у входа она наткнулась на крупные пятна крови. Внутри была полумгла, но под воздействием красного солнца она нехотя расступалась перед Фионой. Приподнимая юбку платья, она переступила через перекладину, прислушиваясь. Коровы и свиньи не издавали ни звука, словно испуганные крупным хищником, и Фионе это не понравилось.

У столба, где так долго лежал, поправляясь от ран, ее любимый, сейчас никого не было. Но дальше, ближе к саманной стене, где тьма еще не до конца рассеялась, как будто что-то шевелилось. Девушка застыла, напрягая зрение. И не просто шевелилось, а издавало странные звуки, словно... ело.

Фиона сделала шаг и покачнулась. Луч света проник в помещение и выхватил человеческую спину и затылок, а затем и все остальное. То, что хотелось навсегда развидеть. Огромная лужа крови на земле, слева детские ноги, справа – часть головы и раскиданные рыженькие волосы, лица не рассмотреть. Главную же часть закрывает склонившийся над девочкой человек. Он быстро жует и перебирает руками где-то внизу.

– Ясперс? – на грани слышимости произносит Фиона, и человек медленно поворачивается, заставив ее в ужасе отступить. Нижняя часть его лица в черной

крови, как и руки по локоть, как и одежда на груди. Он открывает рот, и оттуда вываливается пережеванное в фарш мясо. Фиона переводит взгляд на растерзанный живот девочки. Из зияющей дыры наружу выглядывают маленькие детские ребра.

– Ясперс, – повторяет она и начинает трястись.

– Фиона. Я за тобой пришел, – человек отвечает голосом, который она не узнает. – Я же обещал тебе.

Зеленый треугольник

(вставная новелла из романа Багровая связь)

Это случилось далеким зимним вечером 1987-го года в Солт-Лейк-Сити, штат Юта. Рождество и Новый год остались позади, и жестокие холода покрыли льдом здания и транспорт, а сверху присыпали толстым слоем скрипучего снега. Январь всегда был самым холодным месяцем в этих местах. Но даже лютый мороз, заставляющий всех жителей города не покидать свои дома, не мог отменить необходимости ночного патрулирования. Двое полицейских, старый и молодой, заступили в патруль в полночь между десятым и одиннадцатым января.

В юрисдикции участка находился северный район города, но, прежде чем начать объезд, напарники заехали в местную круглосуточную забегаловку, чтобы взять себе по стакану кофе. За несколько лет совместных ночных патрулей покупать его здесь стало традицией. К тому же, в кафе работала симпатичная девушка по имени Лайла. Старый полицейский помнил ее еще ребенком, а молодой был ее ровесником.

Вьюга на улице слегка поутихла, но мороз был все еще сильный, и снег под подошвами форменных ботинок громко скрипел. В этом районе Солт-Лейк-Сити все знали друг друга, как одна большая семья. Лайла улыбнулась, увидев полицейских. Хоть кто-то разбавит ее одиночество этой долгой холодной ночью,

когда она вынуждена находиться на смене совершенно одна.

– Доброй ночи, офицеры.

– Здравствуй, Лайла, – сказал старый полицейский, отряхивая с себя снежинки.

– Привет, Лайла, – сказал вдогонку молодой полицейский и последовал примеру первого.

Лайла улыбнулась, подумав про себя, что оба они похожи на отряхивающихся от воды собак.

– Сегодня очень холодно, не правда ли?

Молодой и старый полицейский переглянулись с улыбкой. Лайла всегда выглядела и разговаривала так, что это умиляло.

– Очень холодно, – кивнул старый полицейский.

Его звали Гленн Миллер, а молодого – Уолтер Ллойд. Но Лайла на особых правах называла их просто «дядя Гленн» и «Уолтер».

– Как обычно, дядя Гленн?

– Да, Лайла, пожалуйста, сделай нам, как обычно.

«Как обычно» означало два бумажных стаканчика по триста миллилитров самого крепкого черного кофе без сахара. Лайла принялась исполнять поручение, что, впрочем, вовсе не мешало ей говорить.

– Эти холода рано или поздно кого-нибудь убьют, – заявил Уолтер Ллойд, наблюдая за Лайлой.

Девушка смущенно отводила глаза. Она давно ждала, пока Уолтер сделает первый шаг, но день за днем, неделю за неделей молодой человек ничего не предпринимал. Лайла знала, что нравится ему со школы, но не понимала, чего он

ждет.

– Дядя Бен рассказывал, что мороз будет держаться еще неделю, а потом потеплеет.

– Потеплеет, значит, все это начнет таять. Начнется страшный гололед, а следом за ним и с десяток аварий, помяните мое слово, – резонно заметил Гленн Миллер.

– Это очень плохо, дядя Гленн. Дядя Бен еще сказал, что вчера у прачечной нашли какого-то бродягу. Бедный, замерз насмерть.

– В такие холода бездомные замерзают пачками.

– А вот и ваш кофе, офицеры.

Два стаканчика показались на стойке, над ними струился ароматный пар.

– Спасибо, Лайла.

Полицейские забрали свой заказ и тут же отпили горячий кофе. На мгновение холод отступил от их тел, но очень неохотно.

– Вы со мной не побудете немного?

– Извини, но не сейчас. Нужно успеть объехать весь район, пока метель не такая сильная, – сказал старый полицейский.

– Быть может, мы заедем под утро, – добавил молодой полицейский.

– Такая вероятность есть. Но, на всякий случай, передавай привет Бену.

– Хорошо, дядя Гленн, – смиренно-печально отозвалась Лайла.

Девушку можно было понять. Еще пять часов она должна оставаться на рабочем месте, коротая время в тишине и одиночестве. Лайла не испытывала страха, но

она не любила бывать одна. Такие девушки, как Лайла, сложно переносят одиночество. Назвать ее самодостаточной нельзя. Лайле всегда нужен собеседник, друг, моральная поддержка, советчик... Но это ни капли не портило ее. Лайла нуждалась в надежном плече. Странно, что у такой миловидной и скромной девушки до сих пор не было серьезных отношений.

Попивая кофе, молодой и старый офицеры поплотнее запахнули форменные куртки и вышли на мороз.

– Почему ты не пригласишь ее на свидание? – вдруг спросил старый полицейский.

Молодой полицейский коротко посмотрел на старого и ничего не ответил. На его лице читалось выражение вины. Старый полицейский хорошо изучил манеры напарника. Он знал, что вопрос застал его врасплох, а это значит, Уолтер ответит на него не сразу.

– Боюсь, что я недостоин ее, – промолвил молодой полицейский, когда они расположились в машине.

Старый полицейский завел двигатель и включил обогреватель. Затем достал с пояса рацию, снял толстую перчатку и нажал на узкую серую кнопку.

– База, прием. В секторе четырнадцать чисто. Начинаем объезд территории.

– Принято, – механическим голосом отозвались из участка.

Старый полицейский положил рацию на приборную панель, чтобы она постоянно была под рукой. На своем веку он повидал достаточно случаев, когда очень не помешало бы, чтобы рация вовремя оказалась поблизости. Даже в такие безлюдные холодные ночи прямо на улице могли появиться отморозки, которым закон не писан. От этой жизни можно ожидать, чего угодно, парень. Отморозки обожают появляться неожиданно словно бы из ниоткуда. Это их общее свойство.

Старый полицейский повернул ключ зажигания и плавно нажал на педаль газа. Новенький чистый «Chevrolet Caprice Classic» черно-белой окраски, с ярким проблесковым маячком на крыше, плавно тронулся с места, поскрипывая

резиной по сухому снегу.

– Ветер усиливается, – заметил молодой полицейский.

– Надеюсь, бог позаботился о горожанах и запер их в своих квартирах, – отозвался старый полицейский.

– Надеюсь, бог позаботится и о тех, кто остался снаружи.

Гленну Миллеру было слегка за шестьдесят, и он уже успел стать дедушкой дважды. В то время как Уолтер Ллойд еще не имел ни жены, ни детей. Большая разница в возрасте не мешала напарникам ладить между собой. Когда два человека работают вместе в полиции, и особенно если они являются напарниками по ночному патрулированию, это сближает лучше, чем давняя дружба. Дружба может закончиться в любой момент, но пока два человека охраняют закон и порядок, они не имеют права не ладить друг с другом, потому что однажды от их взаимоотношений может зависеть чья-то жизнь.

– Неужели ты считаешь себя настолько плохим парнем, работая в полиции? – спросил старый полицейский, когда они сворачивали на перекрестке у закусочной Джо Миллигана.

– Дело не в законопослушности, – отозвался молодой полицейский, но продолжать не стал.

Он любил поболтать с Гленном, особенно в ночную смену, чтобы разогнать сон. Но Уолтер не любил говорить о себе. Ночной город был пуст, только двое полицейских медленно бороздили снежные дюны под иссиня-черным звездным небом.

– Понятно, – сказал старый полицейский, хотя ничего не понял.

Уолтер взял рацию и связался с базой.

– База, прием, это патруль.

– Что-то произошло? Прием.

– Все в порядке. Девятый квадрат чист. Впрочем, как и остальные. Кто вообще может выйти в такую ночь на улицу?

– Как вы там, Уолтер?

– Замерзаем.

– Держитесь, прием.

– Принято, база.

Молодой полицейский допил свой кофе и теперь чувствовал, что ему уже не так тепло, как несколько минут назад. Даже печка в автомобиле не спасала от мороза в эту ночь.

– Когда же это закончится, – сказал молодой полицейский.

– В чем же дело в таком случае? – спросил старый полицейский.

Уолтер понял, что напарник говорит о Лайле. Помедлив, он ответил:

– Мне кажется, что я испорчу ей жизнь.

– Ну, парень...

Уолтер и сам прекрасно понимал, что девушка ждет от него первого шага. И не только она. Весь участок и весь район, где все друг друга знали, ждал от Уолтера первого шага. Однако флирт затянулся на несколько лет, и виной тому была не только лишь нерешительность или стеснительность Уолтера. Все знали его как хорошего, надежного парня. Уже не раз молодой полицейский производил задержание преступников, бывало, даже вооруженных, и ни у кого не оставалось сомнений в мужественности Уолтера Ллойда. Однако, несмотря на службу в полиции и стабильную жизнь, с девушками у него до сих пор не ладилось.

– Я вспомнил одну историю, – сказал старый полицейский, когда они проезжали прачечную миссис Роуз. – Не знаю, насколько она поучительна в данном случае, но она мне вдруг вспомнилась, знаешь, так бывает. Когда вроде бы ничего общего нет у двух вещей, но в твоей памяти они все равно в какой-то связке.

Молодой полицейский любил, когда Гленн говорил эту фразу «я вспомнил одну историю», особенно если это происходило в ночное дежурство. Байки из молодости старого полицейского были самым захватывающим, что можно услышать в Солт-Лейк-Сити в 1987 году. Молодой полицейский приготовился слушать.

– Знаешь, – сказал старый полицейский, – это всегда увлекательно, вспоминать что-то из своей молодости, особенно если работал в полиции. Но есть такие истории, – Гленн сделал продолжительную паузу, рассматривая что-то за окном, – есть такие истории, от которых даже спустя много лет леденеет кровь.

Старый полицейский остановил машину и достал из бардачка мощный фонарик.

– Давай-ка выйдем, парень, – сказал он молодому полицейскому.

– Что такое? – нахмурился Уолтер.

Ему не очень хотелось покидать автомобиль, в котором сохранялось хоть какое-то тепло.

– Тот сугроб выглядит немного подозрительно. Я хочу проверить его, – ответил старый полицейский и толкнул от себя дверцу.

Молодой полицейский тоже вышел на улицу, не забыв прихватить рацию. Работая с Гленном, он успел выучить одно важное правило: рация всегда должна быть под рукой, особенно если дело касается ночного патрулирования.

Ветер свистел и выл, пересыпая сугробы, словно снежные барханы. Кажется, через полчаса начнется настоящий буран. До этого момента надо успеть объехать еще четыре квадрата. Время уже подходило к часу ночи. Молодой полицейский знал, что минуты между полуночью и часом утекают быстрее всех других.

Светя фонариком перед собой, старый полицейский сделал несколько шагов к сугробу. Косой столб света пронизывал мрак, придавая бриллиантовый блеск висящим в воздухе снежинкам. Молодой полицейский подошел ближе. Было так холодно, что ноги в толстых меховых ботинках сразу же отнимались.

– Там никого нет, – сказал он.

Гленн Миллер хмыкнул и выключил фонарь. Ночь длинна, а батарею стоит поберечь. В патруле случается всякое, необходимо быть готовым ко всему. Они вернулись в автомобиль.

– Я бы выпил еще кофе, – сказал старый полицейский и завел «Chevrolet».

– В чем ты заподозрил этот сугроб?

– Мне показалось, что там кто-то лежит, под снегом.

Несколько минут, пока не показалась вывеска «Бургеры дяди Джека – для всей вашей семьи!», они молчали. Затем молодой полицейский напомнил:

– Ты, кажется, собирался поведать мне историю.

– Ах, да. Точно, парень. Я уже сказал, когда это случилось?

– Нет.

– Эта история произошла в те года, когда я сам был еще чуть старше тебя, – сказал старый полицейский. – Я едва заступил на службу в Прово, в убойный отдел. Помню всю историю в деталях, но все эти годы никому ее не рассказывал, даже если просили вспомнить самый жуткий случай за мою службу.

– Почему? – спросил молодой полицейский, заранее зная ответ.

– Наверное, специально берег ее для такой холодной зимней ночи, как эта, – задумчиво ответил старый полицейский.

Уолтер издал тихое «хм» и стал смотреть в окно, наблюдая, как снежные песчинки беззаботно танцуют в столбах желтого света.

– На самом деле такие истории лучше не рассказывать ночью, – предупредил старый полицейский.

– Я выдержу, Гленн, обещаю.

– Хорошо. Тогда я, пожалуй, начну.

Наконец-то он окончил все эти предисловия, подумал молодой полицейский. Он знал, что обилие слов возникает только от скуки. В этом была вся соль ночных патрулей.

Рина была необычным ребенком. Когда она родилась, ее матери сказали следующее: «Знаете, миссис, девочка шла головой вперед, а кости у новорожденных еще очень эластичные, поэтому череп немного продавился, и давление повредило мозг. Нет-нет, не весь мозг, не беспокойтесь Вы так. Пострадала небольшая область вот здесь, так что, скорее всего, всю жизнь девочка будет мучиться от головной боли. Но есть шанс, что этого не случится. Примерно семь процентов. Нам очень жаль, но на то, видимо, воля божья. Не переживайте, главное, что ребенок жив».

Рождение Риной, то, каким образом она вышла из матери, определило всю ее жизнь. Не просто так родители дали ей такое имя. Rhino – носорог, а из-за давления на лобную долю черепа у нее на лбу на всю жизнь остался бугорок. Он был едва заметен, но девочка стеснялась своего дефекта, понимая, что это ненормально, и у других детей такого нет. Поэтому до старших классов Рина отращивала челку, чтобы скрыть лоб волосами.

Головные боли, действительно, были, но не слишком сильные, и простые таблетки справлялись. Никто не обращал на это внимания, решив, что худшие предсказания врачей не сбылись. Но в один день родители Риной поняли, что бугорок на лбу все же имел свои последствия, и лучше бы это была мигрень.

Когда девочке было десять лет, она подошла к матери и сказала:

– Мама, иногда я вижу треугольник там, где его на самом деле нет.

Разумеется, мать Рины, добродушная и любящая женщина, ничего не поняла в этой фразе, а потому посчитала ее очередным проявлением странностей детского воображения. Но через несколько дней девочка во время ужина снова заявила:

– Мама, у папы вместо головы зеленый треугольник.

Рина произнесла это испуганно и смущенно одновременно, и вся семья испугалась и смутилась вместе с ней.

– Что ты такое говоришь, Рина? – спросила ее мать, шестым чувством ощутив неладное.

– Я не вижу папиного лица. У него вместо головы – треугольник, мам. Мне страшно. Я хочу, чтобы он ушел. Я хочу увидеть папу.

Весь вечер девочку подробно расспрашивали, а наутро повели к офтальмологу. Врач тоже задавал много вопросов, но ответы на них заставляли его лишь хмуриться и спрашивать снова. Из путанных детских ответов выяснилось, что Рина временами видит различные геометрические фигуры, которые накладываются на изображение реального мира, но физически не присутствуют в нем.

Ребенок видит перед собой зеленый треугольник, но не может его потрогать. Чаще всего геометрические фигуры вытесняют объекты действительности и занимают их место. Выяснилось также, что все эти фигуры – плоские, и как бы заслоняют то, что за ними находится: словно бы часть экрана заклеили цветным картоном. Это может длиться час или день, но всегда проходит, и никакие симптомы не сопровождают этот процесс. Как утверждала девочка, она не испытывает головной боли, когда видит «фигурки». Офтальмолог сказал, что впервые о таком слышит, и, скорее всего, эта «болезнь» не в его компетенции.

Родители Рины повели девочку к неврологу. Врач задавал множество вопросов, суть каждого из них была в том, чтобы узнать, не испытывает ли девочка стресса, волнения, беспокойств. Но Рина была очень спокойным ребенком, даже немного замкнутым, и в семье не было никаких ссор, как и в школе. Это ставило врачей в тупик. Невролог отправил их к психиатру.

Выслушав проблему, психиатр спросил, не было ли ничего необычного, когда ребенок родился. Родители рассказали ему о бугорке на лбу. Тогда психиатр посмотрел историю болезни девочки и сказал: «Ясно». Первым делом он направил девочку на магниторезонансную томографию головного мозга и электроэнцефалограмму. Когда пришли идеальные результаты, врач не выказал удивления, потому что этого и ожидал.

– Зрение и нервная система здесь ни при чем, – заявил психиатр. – Проблема в другом.

Врач попросил оставить их с девочкой наедине и подробно расспросил ее. Его интересовало, чем сопровождается появление геометрических фигур. Психиатр был уверен, что есть провоцирующие факторы, но чтобы установить их, разговора с ребенком не хватило.

Пришлось на неделю оставить девочку под постоянным наблюдением специалистов. За это время врачи кое-что выяснили. Геометрические фигуры, которые видела Рина, конечно, не существовали в реальности, и никаких разрывов роговицы глаза тоже не было, как и прочих проблем со зрением. Эти фигуры существовали только в голове ребенка, и возникали они как защитная реакция психики на предметы и явления, которые девочка не понимала и не могла объяснить.

Однако кто-то из врачей утверждал, что эти выводы неточны, и провоцирующим фактором является что-то другое. Что именно, нужно было еще изучить. Мнения сошлись в одном – это психическая патология, неизлечимая, но безобидная, и никто из присутствующих не сталкивался с подобным в своей практике.

На всякий случай девочке выписали антидепрессанты и успокоительное, но принятие таблеток в течение двух месяцев не повлияло на геометрические фигуры. Зато Рина стала апатичной и сонной, и ее родители вскоре приняли решение выбросить прописанные таблетки. Это было верным решением

любящих родителей, и никто не мог осудить их за такой поступок.

Рина научилась жить со своей «особенностью». Это оказалось несложно. Фигуры появлялись раз в неделю и могли держаться несколько минут или несколько часов. Это могли быть квадраты, треугольники или круги самых разных размеров и цветов. Но чаще всего – зеленый треугольник. Рина часто рисовала родным то, что видит. Для этого ей купили альбом и краски. Родители Рины пытались самостоятельно установить фактор, который вызывал появление фигурок, но не смогли, поэтому решили, что такого фактора попросту нет, и приступы происходят спонтанно.

Никаких специфических симптомов у девочки так и не обнаружилось.

Повзрослев до подросткового возраста, Рина стала испытывать комплексы. Она хорошо понимала, что отличается от сверстников за счет своего физического и психического дефекта, а потому ей было трудно найти с ними общий язык. Она никому не рассказывала о «фигурках» и до сих пор носила челку. Но Рине хотелось настоящей дружбы, такой, чтобы она могла поделиться с человеком своим секретом, не опасаясь, что он испугается и начнет избегать ее.

Рина росла замкнутой и неразговорчивой. В тринадцать лет, как и любая девочка на свете, она завела себе дневник, где записывала и зарисовывала мысли и наблюдения. Занимаясь этим каждый день, она поняла, что ей нравится это больше, чем общение с живыми людьми. Она часто описывала в дневнике свои ощущения во время того, как видит фигуры.

И совсем скоро, исписав несколько толстых тетрадей за месяц, Рина поняла, что хочет быть писателем. Эта мысль стала ее идеей фикс.

Ведение дневника, постоянный самоанализ, рефлексия на все жизненные события – все это в совокупности сделало Рину тонкой натурой, рельефной личностью. Она не гуляла с друзьями, потому что у нее их не было, поэтому времени на саморазвитие оставалось довольно. Девочка хорошо разбиралась в себе и всегда понимала свои желания. Одиночество стало ее верным и единственным другом.

Для окружающих существование Рины было непримечательным. Отсутствие какой-либо коммуникации и прогрессирующая замкнутость девочки вкупе с психопатологией настораживало родителей. Им хотелось увидеть, что же их дочь постоянно пишет в своих многочисленных дневниках, но они не могли этого сделать без ее согласия. А девочка росла скрытной и не доверяла никому, кроме себя.

К заболеванию Рины все давно привыкли, включая и саму девушку. Геометрические фигуры не доставляли ей неудобств. Порой они, наоборот, действовали как развлечение. Словно смотришь в сломанный калейдоскоп. Вскоре Рина стала замечать, что когда фигурки исчезают, у нее появляется вдохновение. Но на плановом медицинском осмотре она об этом не рассказала.

Постепенно девочка становилась девушкой. Довольно странной, асоциальной девушкой, живущей только в своем мире. Рина была симпатичной, но совершенно не реагировала на осторожные ухаживания противоположного пола. К тому времени она написала уже несколько больших и красивых историй, которые любила перечитывать по ночам.

Подошел такой возраст, когда природа берет свое. Созревшее тело Рины все чаще просило партнера, и закрывать на это глаза уже не получалось. Девушка наблюдала за сверстницами и завидовала им. Такие раскрепощенные, уверенные в себе девушки, знающие себе цену. Вокруг них всегда извивалась свита поклонников. А Рину уже давно все обходили стороной, несмотря на внешнюю привлекательность. Ее нелюдимость и прочие странности отпугивали обычных людей.

За краткий срок Рина осознала никчемность своей жизни, и одиночество из верного друга превратилось в заклятого врага. Часто девушка вымещала обиду на близких, злилась на себя, на свою болезнь, на весь этот несправедливый мир. Геометрические фигуры стали появляться чаще. Они выросли в размерах, диапазон цветовой гаммы увеличился. Но Рина этого не замечала, ей было слишком жалко саму себя. Ее беспокоили совсем иные проблемы. И она никому не рассказала о том, что болезнь начала прогрессировать.

В этот период в окружении Рины появился Рэй. Высокий голубоглазый блондин стал единственным ярким пятном в непримечательной жизни девушки. Она влюбилась с первого взгляда и страдала от этого чувства. Страдала, пока не поняла, что небезразлична Рэю. Это не могло быть правдой, но все же было ею.

Парень оказывал Рине недвусмысленные знаки внимания, был вежлив и обходителен – только с нею. Мечта сбывалась наяву, и в это было трудно поверить. Рэй казался Рине каким-то немыслимым, ненастоящим. Будто шагнул к ней из идеального мира ее историй.

От безграничного счастья девушка не обращала внимания на обострение патологии. Какая теперь разница, если у нее появился настоящий парень, самый красивый, самый добрый и самый веселый? Болезнь все равно неизлечима, не стоит из-за нее терять свою судьбу.

Между тем геометрические фигуры перестали появляться поодиночке. Теперь это был узор из двух-трех фигур, наложенных друг на друга. Например, синий квадрат, желтый круг и неизменный зеленый треугольник. Изображение могло загоразивать треть обзора и держаться несколько часов. Это проявлялось несколько раз в неделю. Родители Рины ничего не знали об обострении. Девушка не хотела их расстраивать, ведь они были очень рады тому, что дочь нашла себе парня и начала вести нормальный образ жизни.

Рина не спешила знакомить Рэя с семьей. Она хотела, чтобы молодой человек как можно дольше остался втайне для всех, хотя бы внешне. Ей не хотелось делиться им. Рина сильно ревновала Рэя, если видела рядом с ним других девушек. А такое случалось часто, потому что Рэй занимался баскетболом и был очень хорош собой.

Вообще-то была еще одна причина, по которой Рина не хотела знакомить родителей со своим бойфрендом. Рэй был гораздо старше нее. Но если они счастливы вдвоем, то какое значение может иметь возраст?

Несмотря на влюбленность, поначалу Рине было трудно подпустить к себе нового человека. Она слишком привыкла к одиночеству, делиться с кем-то, кроме себя, мыслями и переживаниями, было вновинку. Но Рэй проявлял понимание, не был навязчив и вскоре завоевал расположение девушки.

В один день Рина проснулась и некоторое время не могла видеть ничего вокруг себя. Геометрические фигуры, наслаиваясь друг на друга, полностью заслоняли обзор. Перед глазами стояла разноцветная стена из зеленых треугольников, красных ромбов и синих кругов, и больше ничего. Это напоминало картину начинающего кубиста. Девушка сидела на кровати и махала перед собой руками,

пытаясь разогнать фигуры, словно те были реальны, часто моргала, терла глаза кулаками. К фигурам невозможно было прикоснуться. Казалось, они совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, но, сколько бы Рина ни тянулась к ним, ползая по кровати, они оставались на прежнем расстоянии.

Плотная цветная завеса между Риной и окружающим миром исчезла через час, как будто ее отключили. Выдернули шнур из розетки, и все закончилось. Все это время девушка не могла передвигаться, потому что не видела, куда пойдет, и могла споткнуться или удариться, опрокинуть вещи. Звать на помощь родителей тоже не хотелось. Если они узнают, Рина еще несколько месяцев не выйдет из больницы. А этого нельзя допустить. Девушка не переживет долгой разлуки с Рэем. Поэтому она сделала вид, что провалялась в кровати лишний час, и лишь когда вновь обрела способность видеть, вышла из комнаты.

На следующий день все повторилось, но Рина так ничего никому и не рассказала. Ей захотелось некоторое время побыть одной, и она сообщила Рэю, что хочет сделать перерыв в отношениях. Реакция юноши была непредсказуемой. Сначала он, как и всегда, проявил понимание, но позже выяснилось, что это была всего лишь маска.

Рэй начал вести себя слишком странно. Это было непохоже на то, как он вел себя обычно. Он следил за девушкой, подстерегал ее в безлюдных местах, приставал, проявлял столь несвойственную ему ранее наглость. Рина решила во что бы то ни стало избегать Рэя. Девушка все еще испытывала чувства к нему, но была напугана резкой переменой в его поведении. Любые резкие перемены всегда пугали ее.

Это продолжалось две недели. И вот, однажды случилось так, что очередной приступ произошел с Риной, когда Рэй находился рядом. Он держал ее за руку, а она вырывалась, и они кричали друг на друга. И тут поблизости появился прохожий, который поспешил на помощь.

– Эй, прекрати! – крикнул мужчина.

Это было последним, что помнила Рина. В следующий миг она лишилась зрения. Непроницаемая заслонка из цветных геометрических фигур встала между ней и миром. Девушка видела перед собой стену из зеленых ромбов и желтых кругов. Фигуры были повсюду, куда бы она ни взглянула, куда бы ни повернула головы.

Через несколько минут девушка поняла, что на этот раз слух тоже покинул ее. Фигурки лишили ее способности видеть и слышать.

Рина в ужасе бродила в разноцветном мире, понимая, что на неопределенный срок отключена от внешнего мира. Она не знала, что произошло дальше между прохожим и Рэем, но знала наверняка, что очнется уже в больнице, а рядом будет ее семья.

Каково же было удивление Рины, когда, вновь обретя способность видеть окружающий мир, она сразу наткнулась на тело того самого прохожего, что бросился защищать ее от Рэя. Он лежал на земле в неестественной позе, со зверски изуродованным лицом. Кровь заливала одежду. Рина убедилась, что он мертв, и со всех ног помчалась домой. Она не знала, сколько времени на этот раз длился ее приступ, и потому боялась, что убийца все еще может быть поблизости.

Лишь после того, как девушка заперлась в своей комнате, она смогла мыслить более-менее связно. Рэй убил человека. Рэй оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал. Он опасен. И она должна была сразу это понять. Почему она не догадалась? Рина всегда видела людей насквозь, почему же природное чутье на этот раз подвело ее? Неужели она действительно влюбилась в него? Но убийство должно было перечеркнуть все чувства. Должно было. Но перечеркнуло ли?

Рина понимала, что, даже несмотря на свой приступ, стала свидетелем преступления. А свидетели не живут долго. По какой-то причине Рэй не убил ее сразу. Значит, теперь он будет охотиться за ней. Девушка решила во что бы то ни стало остаться дома и наблюдать за ходом событий. В этой истории оставалось слишком много неясных пятен, которые Рина не могла объяснить.

На следующий день никто не явился за ней. И через день тоже. Но девушку не покидало дурное предчувствие. Пережив еще один часовой наплыв геометрических фигур – теперь это были синие круги, красные ромбы и зеленые треугольники, наложенные друг на друга в причудливом узоре, – Рина решила, что имеет смысл документировать все, что с ней происходит. Если с ней что-нибудь случится, у полиции будет отличная возможность восстановить хронологию событий и найти убийцу.

Рина была на взводе. Параноидальная мысль о том, что Рэй убьет ее семью, а потом доберется и до нее, не оставляла ни на минуту. Поэтому, когда в дверь позвонили, девушка была уверена, что это он. Мать Рины пошла открывать дверь, и сердце девушки сжалось в комок.

– Мама, нет! – крикнула она, бросилась вперед и... выпала из реальности в мир геометрических фигур, где не было даже звуков внешнего мира.

Казалось, целую вечность девушка бродила среди зеленых пирамид, красных шаров, черных кубов, ничего не ощущая. Осязание пропало, как и чувство реальности. Не стало ни времени, ни пространства. Зато фигуры приобрели объем. Теперь их можно было трогать. На ощупь они были очень приятные и упругие. Рина знала, что, перемещаясь в этом мире, в реальности ее тело остается неподвижным. Здесь, внутри ее головы, было другое измерение. Здесь не было Рэя, не было опасности, смерти, паранойи. Только спокойствие и легкость.

Впервые в жизни, даже несмотря на волнение за состояние матери, Рина не хотела возвращаться в реальность из мира геометрических фигур. Но все-таки она пришла в себя, и неизвестно, сколько времени девушка провела в забытьи. Все часы в доме остановились. Как и сердце ее матери. Потому что в него по самую рукоятку всадили кухонный нож.

Рина упала к телу и затряслась от ужаса. Она не успела предупредить ее из-за приступа. И Рэй прикончил ее мать. Рэй убил ее маму. И снова оставил в живых саму девушку.

Рина закрыла матери глаза. Нужно позвонить отцу, решила она. Необходимо предупредить его. Нужно обязательно успеть. Но отец не брал трубку. Девушка была уверена, что Рэй собирается убить и ее отца, поэтому села в автомобиль и поехала к нему на работу. Она молилась о том, чтобы приступ не настиг ее, пока она за рулем. Этого, к счастью, не случилось, и она без проблем добралась до места.

Отец Рины работал механиком в небольшой автомастерской своего друга. Едва девушка припарковала машину, она увидела, как Рэй входит в здание, где работает отец. Выскочив наружу, Рина бросилась за ним. Она вбежала в помещение, где машины поднимали на кранах для ремонта. На тросах был

подвешен «минивен», а под днищем на подстилке лежал ее отец и орудовал инструментами. Рина узнала его по обуви и краю брюк, которые были видны. Отец не заметил ее.

В следующий миг показался Рэй. Парень, ухмыляясь, стоял у щитка с рычагами, которые регулировали тросы. Рина хотела закричать, но у нее пересохло в горле, и изо рта вырвался лишь хрип, словно в кошмарном сне. Она бросилась к Рэю, но в любом случае не успела бы. Юноша с улыбкой дернул рычаг, и это было последним, что видела Рина перед тем, как провалиться в иное измерение.

Бесчисленное множество зеленых треугольников и оранжевых ромбов плотно окружили девушку. Все ясно – она видит их, когда пугается. Это многое объясняет. Но, находясь в этом геометрическом разноцветном мире, Рина не могла проявлять вообще никаких эмоций. Она помнила, что ее мать убита, и отец, скорее всего, тоже не выжил после падения на него «минивена» в несколько тонн. Но все это казалось здесь, среди фигурок, таким далеким и несущественным... Приступы избавляли ее от ненужных эмоций, забирали боль и давали счастье... Счастье, что бы там ни было.

Рина пришла в себя и первым делом ощутила тряску. Она приподняла голову и осмотрелась. Девушка находилась на заднем сидении машины, связанная. За рулем сидел Рэй. Они куда-то ехали.

– Ты убил моих родителей! – крикнула Рина.

– Это так.

Голос юноши уже не звучал так благовоспитанно, как раньше. Его натура обнажилась через убийства, стала видна невооруженным глазом. Но Рина все еще любила этого человека и осознавала это с ледяным ужасом.

– Зачем ты сделал это?

– Чтобы ты страдала, – ответил Рэй.

Он привез ее в какой-то брошенный загородный дом и посадил на цепь у батареи. На этом месте девушка провела несколько недель. Всяческие

издевательства над Риной стали излюбленной забавой Рэя. Он оказался куда более жестоким и психически больным человеком, чем казалось ранее. За то время, пока юноша держал Рину в плену, она практически сошла с ума от постоянного голода, боли, бессилия и безысходности.

Рэй мучил девушку не просто так. Он был тираном и получал удовольствие от страданий жертвы. Рина была вовсе не первой в его коллекции. Каждую новую «подопечную» юноша измучивал до такой степени, чтобы добиться крайней степени ненависти к себе. Причиняя девушкам боль, Рэй испытывал сильное сексуальное возбуждение. Он понял это еще в одиннадцать лет, и этот психологический сдвиг определил его судьбу.

Месяц спустя, почти не помня себя от физического и морального истощения, Рина лежала на полу и ожидала, когда Рэй снова придет, чтобы задать ему свой последний вопрос и сделать последнее признание. Девушка ощущала приближение смерти. Ее тело, покрытое многочисленными мелкими ранениями, синяками и укусами, казалось, уже начало гнить заживо, точно так же, как ногти, волосы и зубы. Жизнь молодой девушки была кончена. Когда Рэй вошел в помещение и присел у тела Риной, она устало подняла голову и спросила его:

– Зачем ты делаешь все это?.. Почему бы тебе просто не убить меня?

– Мне нужно, чтобы ты возненавидела меня.

– Но я не сумею...

– Почему?

– Я все еще люблю тебя, Рэй.

Услышав это, юноша обхватил шею девушки руками.

– Любишь?

– Как и в первый день нашей встречи...

Рэй не нуждался в жертве, которая не сможет его ненавидеть, поэтому он задушил Рину. Девушка не сопротивлялась, на это у нее не осталось никаких сил. Жизнь и так покидала ее, а сильные руки Рэя довели начатое до конца. После этого светловолосый молодой человек навсегда покинул загородный дом, оставив там тело, прикованное к трубам. Через месяц, а может, и раньше, он найдет себе новую жертву.

Старый полицейский замолчал и посмотрел на молодого. За окном их новенького «Chevrolet caprice classic» вьюга успела успокоиться, а ночь все еще была темна и глубока. Пока старый полицейский рассказывал, патрулирование территории закончилось, и теперь они стояли во втором квадрате, припарковавшись у закрытой закусочной, и пытались отогреть руки с помощью небольшой автомобильной печки.

Молодой полицейский выглядел удрученно и растерянно. Когда Гленн Миллер сказал, что такие истории лучше не рассказывать по ночам, Уолтер не придавал этим словам особого значения. Молодой полицейский подумал, что Гленн всего лишь хочет запугать его. У старого полицейского всегда был веселый нрав. Однако история действительно оказалась ужасающей. И звездная морозная ночь лишь укрепила впечатление Ллойда. Один вопрос не давал покоя молодому полицейскому.

– Одно мне неясно, Гленн. Откуда тебе известны такие подробности? О рождении, детстве этой девушки, о многом прочем?..

– Это еще не вся история, парень, – усмехнулся старый полицейский.

– В таком случае, я слушаю.

– В самом начале я сказал тебе, что в то время был немногим старше тебя, и только заступил на службу в убойный отдел в Прово. Мне тогда казалось, что Прово – лучший город во всем штате, да что там, во всей стране. Ведь я родился и вырос там. В Прово я встретил свою будущую жену, стал отцом, и лишь затем переехал в Солт-Лейк-Сити по долгу службы. Но в Прово со мной случилась самая ужасная история, которую я буду вспоминать оставшуюся жизнь. Эта история потрясла меня до самых глубин, парень. Больше ни разу за всю свою

службу я не сталкивался с подобным.

Старый полицейский замолчал, углубившись в воспоминания и задумавшись, как лучше сформулировать концовку, чтобы молодой полицейский был так же потрясен, как и он сам много лет тому назад. Финал этой леденящей кровь истории заслуживал быть описанным в какой-нибудь книге или хотя бы кинохронике. Но нигде, кроме полицейских архивов и частично истории болезни в психиатрической клинике он не был зафиксирован.

– Я хорошо помню тот день, – заговорил старый полицейский, глядя поверх руля взглядом, устремленным в прошлое. – Я и мой напарник пришли на службу. Всем было очень весело, потому что накануне мы поймали одного крайне удачливого вора, взяли прямо с поличным. Шериф был доволен нами. Прямо с утра кто-то уже принес пончики. Гарри, мой напарник, взял себе с глазурью, а я взял с сахарной пудрой. Мы также взяли в руки по стаканчику капучино, и тут поступил звонок. На расстоянии двух метров я слышал, как женщина кричала в трубку нашего диспетчера. «Здесь труп, здесь труп, приезжайте скорее, господи Иисусе, помилуй нас!», – кричала она и плакала. Мы отложили кофе и пончики и бросились по машинам. Кажется, дело было серьезное, но никаких деталей мы не знали. Нам было сказано, что найден труп девушки где-то за городом, в заброшенном доме. И мы отправились туда.

Судмедэксперты уже были на месте, мы быстро поздоровались и вошли в дом. Тело оставили в том же положении, что и обнаружили. Светловолосая девушка выглядела, словно ее только что вытащили из могилы, где она пролежала как минимум месяц. Пока я, ошеломленный, рассматривал ее покрытое ссадинами, ранами, трупными язвами тело, один из экспертов сказал мне, что девушка повесилась, вероятно, неделю тому назад. Запах стоял соответствующий, и тело выглядело ужасно. Пару человек вырвало.

– Погоди, – медленно, почти по слогам, произнес молодой полицейский, – как это – повесилась? Я что-то не...

– Имейте терпение, молодой человек, и все узнаете, – спокойно ответил старый полицейский, – позволь же мне продолжить и не перебивай меня. На подоконнике мы обнаружили толстую тетрадь и исписанную ручку. Перед тем, как повеситься, девушка написала художественный текст о том, что с ней происходило перед смертью. Весь мой рассказ – это то, что мы прочли в той тетради. Это один из источников, откуда я знаю столько подробностей дела.

Установив личность погибшей, мы поняли, что это дочь убитых недавно супругов. Мать закололи ножом, а на отца упал «минивен», сорвавшись с троса. К тому же, вскоре выяснилось, что самоубийца была пациентом психиатрической лечебницы, наблюдалась там с самого детства. Чем она болела, ты уже знаешь, но это не все. Помимо видений геометрических фигур в истории болезни девушки значилось диссоциативное расстройство идентичности. Думаю, тебе должно быть известно, что это такое, Уолтер. Но девушке этого известно не было. Врачи и родители скрыли это от нее. На самом деле никакого Рэя никогда не существовало. В реальности такого человека не было. Рэй был второй личностью Рины. И когда сознание Рэя подавляло сознание Рины, девушка выпадала из реальности в мир геометрических фигур.

– Я не понимаю, – заторможенно сказал молодой полицейский, – кто же тогда убил ее родителей?

– Она, – ответил Гленн. – У Рины началось обострение, и она воплотила вторую личность, придумав маньяка, который якобы следит за нею. Когда ее родные заметили, что у девушки проявились симптомы, о которых давно предупреждали врачи, они собирались положить ее в клинику, под наблюдение. Чтобы никто не пострадал, особенно сама Рина. Но не успели. Девушка убила их, уверенная в том, что это делал Рэй. Были свидетели, которые видели, как Рина выбегает из дома с кровью на руках и одежде. И в автомастерской видели, как она дернула рычаг. Никто не видел никакого светловолосого парня рядом с ней. Никогда. И да, тот прохожий. Его тоже убила Рина – во время приступа.

– То есть, выходит, каждый раз, когда она убивала, она видела фигуры? И воображала себе, что все это делал тот парень?

– Именно так. Но никакого парня не было.

– Черт возьми, Гленн. Черт возьми! У меня мозги почти сломались. Я все еще не понимаю и половины.

– История, которую я поведал тебе – это то, как видела происходящее сама Рина. Плюс то, что мы нашли в ее истории болезни и истории наблюдений за ней. И еще то, что было в ее многочисленных дневниках. Вот, откуда я знаю все эти подробности.

– Постой. Значит, она все же вела дневники и хотела стать писателем?

– Да, все это так и было. Писателем она, конечно, не стала, хоть и была достаточно не в себе для этого дела. Ты ведь знаешь, писатели, они все не от мира сего, – Уолтер понимающе закивал. – Но, в некотором роде, книгу она написала. И я пересказал тебе сюжет этой книги. И самое невероятное в том, что она искренне хотела помочь следствию.

– Как же все запутано, Гленн, – сказал молодой полицейский. – Но как она могла похитить сама себя?

– Две личности боролись за одно тело. После убийства родителей девушка сама уехала за город, нашла брошенный дом, истязала себя и морила голодом. Точнее, это делал Рэй. Вражда за тело шла с переменным успехом. Параллельно этому Рина делала записи в тетради, представляя все так, словно ее похитили и держат в плену. Точнее, ей все именно так и казалось, понимаешь, Уолтер? Она дописала свою «книгу» и покончила с собой. Рэй убил Рину, словно паразит. У нее в тетради так и было записано: он задушил меня и уехал отсюда, искать себе новую жертву. Что-то в этом роде. Сначала она описала свое убийство, затем совершила самоубийство. И, умирая от удушья, она была уверена в том, что Рэй задушил ее.

– Но на самом деле никакого Рэя не существовало, – задумчиво повторил молодой полицейский. – В это трудно поверить. Это действительно произошло с тобой?

– Это действительно произошло, но не со мной, слава господу нашему милосердному, а в моей полицейской практике. Это была самая психически нездоровая головоломка в истории нашего отдела. Ты не представляешь, как тяжело нам пришлось, когда мы разбирали это дело, раскладывали по полочкам каждый факт, отделяя реальность от вымысла. Нам порой и самим казалось, что мы сошли с ума.

– Поехали к Лайле, Гленн. Мне нужно выпить кофе.

– Поехали, парень, я тоже не откажусь.

– Знаешь, сегодня я позову ее на свидание, – признался молодой полицейский.

Старый полицейский ничего не ответил. Он хмыкнул и завел двигатель.

Проклятые воды

(вставная новелла из романа Лунь)

Наступали сумерки, когда судно вошло в проклятые воды. Посреди океана смена дня и ночи происходит по иным законам. Вода и небо бесконечно отражают друг друга, воздух между ними – слоистый газовый медиум меж двумя мирами-антиподами. Кажется, что соленые брызги достают до облаков.

Когда день клонится к вечеру, воздух густеет, темнеет, словно в него неравномерно подмешивают антрацитовую пыль. Граница между небом и морем практически стирается, они будто тянутся друг к другу. Нос корабля разрезает высокие темные волны, а над горизонтом загорается первое бледное созвездие.

В такие моменты капитан Роджер любит заложить руки за спину и со странным выражением в глазах провожать умирающий далеко вдали желток солнца. Старина Пэт обычно наблюдает за этим со своего законного места – перекрестия фок-мачты, а у руля стоит лучший на судне матрос.

– Впереди рифы, – капитан обернулся и осмотрел команду.

Все знали, что впереди рифы, но это была наименьшая из проблем. В проклятых водах их ожидало нечто гораздо опаснее.

– Привяжите меня! – рявкнул капитан. – А затем всем заткнуть уши без промедлений! И ни за что не открывать, пока все не кончится! Хоть воском их залейте, чертова падаль! Вы поняли меня?!

Его привязали. Руки оказались туго прижаты к рулю. Остальные принялись затыкать уши пробками, трясти головой.

– Выберемся – всем куплю рома! А кто струсит – пристрелю на месте.

Капитан Роджер был мужчина не из пугливых. Но сейчас ему было по-настоящему страшно. Лишенная слуха команда заняла свои места. Кто-то привязал себя канатами к мачте и самым крепким частям судна. Капитан уверенно смотрел вперед. Его губы едва шевелились.

– Только морок. Не настоящее. Только морок. Не...

У капитана не было одного глаза. Но он яснее других видел, в какой миг все началось. Первый момент невозможно с чем-то спутать. Сначала – около минуты неестественной тишины, от которой хочется кричать, лишь бы она прекратилась. Волны мягко ласкают борт, словно нежная рука матери, успокаивающей дитя. Затем на воде проступает мерцание.словно рассыпалась вокруг корабля сверкающая пыль. Это светятся пятнами подводные рифы. Цветная взвесь поднимается над водой неплотным туманом. В сумерках это зрелище завораживает, гипнотизирует, позволяет забыть о сковывающем страхе перед неизбежным.

Корабль шел тишайше. Чуть слышно поскрипывало дерево, тугие канаты и паруса. Но вот – несколько звонких всплесков с обеих сторон, даже с заткнутыми ушами до матросов донеслись отдаленные звуки. Внезапным режущим эхом пронесся над водой залиvistый женский смех, повторился чуть тише, вновь затих. Капитан стиснул зубы и сжал кисти на потертom руле. Его пальцы побелели.

...И тут прелестный девичий голос, живой и налитый сотнями украденных жизней, запел – поначалу едва уловимый, он сливался с плеском воды, затем креп, усиливался, звенел, как самый чистый хрусталь. Он был робок и ласков подобно молодой лилии, настойчив и глубок, как водная воронка, утягивающая на дно. Второй голос, прозрачный, звенящий, глубокий, подхватил песню на свой лад. Это была даже не песня, а неразборчивое напевание какого-то мотива одними лишь гласными. Присоединился третий голос. Эхо летело над океаном, как большая благородная птица, расправив могущественные великолепные крылья, данные ей самой природой. Капитан обернулся. Отвязав себя, матросы свесились за борт с обеих сторон, всматривались в рифы сквозь пелену тумана и прислушивались. Голоса влекли их вниз, манили, обещали, упрашивали спуститься как можно скорее...

– Прочь от перекладин! – взревел Роджер. – Заткните уши руками! Быстро!

Моряки вздрогнули. Крик капитана, проникающий даже через ушные пробки, отрезвил их. Но ненадолго.

– Я вижу их! – воскликнул старина Пэт.

– Я слышу... – сказал один матрос.

– Не слушай! Не слушай их, ублюдок ты чертов! Сдохнуть захотел?!

Но матрос поднял руки и медленно вытащил из ушей пробки. Мгновенно ослабло его тело, лицо оплыло, точно восковая свеча на огне. Его пытались остановить, но сладкоголосое пение влекло с чудовищной силой, и он, отталкивая всех от себя, разбежался и кинулся в море. Раздался громкий всплеск, и юноша исчез.

– Да чтоб мне сдохнуть!

Капитан все отчетливее слышал пение, в голове у него помутилось. Голоса делали его счастливым, дарили безмятежность, как сильный хороший алкоголь. Он почти не воспринимал происходящее. Казалось, сами по себе руки стараются высвободиться. Веревка натерла кожу до крови, но все еще держала крепко.

Привязанный к мачте матрос достал из сапога нож, перерезал веревку и решительно шагнул к краю. Плеск. Море приняло его расслабленное тело. По палубе понеслись громкие стоны, мычание, всхлипывания. Моряки были не в себе. Ушные пробки не помогали. Звонящие голоса проникали внутрь, казалось, прямо через поры на коже. Старина Пэт плакал и бессильно пытался развязать веревки. У него не получалось. Из помутневших глаз текли слезы отчаяния – больше всего на свете он мечтал кинуться за борт вслед за товарищами. Это казалось ей целью всей его жизни, оправдывало годы существования, отпускало все его грехи, придавало жизни смысл.

Два мощных водяных толчка подняли волну на уровень буш-прита. На серебрянорунном гребне, изогнувшись, возлежала обнаженная полупрозрачная нимфа. Продолжая петь, она улыбалась и поправляла очень длинные водяные волосы, продолжением которых были кристальные сияющие струи, стекающие

вниз. Нельзя было точно понять, где кончается ее тело и начинается морская вода. Необыкновенная ее красота, никакими словами неопишуемая, влекла к себе столь же сильно, как и сладостный голос, исполненный любви и нежности.

– А-а-а-э, э-э-э-у-а-а-а...

– Черт меня возьми! – громко рыдая, закричал кто-то. – Какая же ты красивая! – и с разбега прыгнул прямо в волну, разделив ее своим телом, лишив всякой формы. Вода расступилась перед ним, и тело разбилось о рифы, скатилось в воду и пошло ко дну.

– Морок, морок, морок... – говорил капитан, зажмурив глаза, но это не помогало. Руки продолжали растягивать веревки, несмотря на страшную боль и выступившую кровь.

Корабль тряхнуло – он наскочил на риф. Справа над килем зазияла пробоина. Вода без промедления хлынула внутрь. Роджер крутанул руль влево, оглянулся. Старина Пэт догрызал свои веревки. Матросы шатались, точно пьяные.

– Морок! – как можно громче закричал капитан.

Одна из сирен оказалась на палубе. Нагое водянистое тело двигалось к матросам, перетекая из одной позы в другую, переливаясь, как жидкое стекло, и непрерывно мерцая. Она пела и протягивала длинные тонкие руки, словно девушка в беде. Мужчин повлекло к ней единым порывом. Пение становилось звеняще-оглушительным. Сирена обняла матроса, поцеловала водяными губами, взвилась вверх и волной перекинулась за борт, увлекая «счастливец» на дно морское.

Голоса сливались, переходя в истеричный визг. Они звали, требовали, в них больше не было нежности, только приказ. Вторая сирена возникла на борту и повлекла за собой двоих, встряхивая водяными волосами. Она была еще прекрасней прежней. Точеная фигура мерцала, как звездное небо. Очарованные моряки последовали за ней, протягивая дрожащие руки. Корабль снова тряхнуло. Появилась вторая пробоина. От небольшой команды уже почти ничего не осталось.

Окровавленные кисти капитана освободились от веревок. В тот же миг рядом с ним сформировался из воды изящный силуэт.

– Иде-ем со-а мно-о-о-ю-у... – разливался голос, и прозрачные ласковые руки коснулись заросшего мужского лица. – Я-а-аа люблю-ю-уу тебя-я-аа... иде-ем...

Роджер еле стоял на ногах. Из приоткрытого рта стекала слюна. Он сделал шаг вперед.

Сказка о Змее

(вставная новелла из романа Лунь)

В далекие времена в далеких северных землях у подножия скал, за гребнем которых шумел океан, соленый и буйный, возникла деревня. Высокий горный хребет верным полукольцом защищал ее жителей от ледяных ветров, сокрыв за собою бесконечное белое море, недоступное глазу. Многие, пытаясь добраться до побережья, бесследно исчезали в глубоких скалистых оскалах горных расселин.

Так длилось десятилетия. Покуда нечто неладное произошло на Малой Земле, отчего весь Мир двинулся с места, и каждый из рода людского ощутил на себе этот сдвиг. Небеса опустились под неведомой тяжестью, стали свинцовым, низкими, с редкими багровыми проблесками, пульсирующими, как нарывы, готовые вскрыться. Даже воздух изменил привкус. Жители деревни затравленно озирались, вскидывали головы, вглядывались в темноту, которая стала опасной и кислой, как желтый древесный плод. По ночам она не давала сомкнуть глаз, шевелилась за окном червивыми шорохами, леденящими сердце.

Поговаривали, что там, в горных пещерах и подземных каналах, пробудилось кровожадное зло, посланное в наказание за грехи. Путешественники рассказывали о могучем Змее, которому тысячи лет. Предания гласили, что нельзя убить существо, ибо лишь оно могло уничтожить себя, когда придет время. Невероятных размеров достигало чудовище, однако расти не

прекращало. Волхвы заверяли: однажды Змей станет таким длинным, что обхватит собою весь мир. И едва он дотянется пастью до хвоста, небо погаснет навечно. Так поведали духи предков, вышедшие из могил, и нельзя было не верить им.

Немногие выживали после встречи с чудовищем. Понизив голос, они описывали виденное, озираясь, и поседевшие волосы обрамляли их лица. Пасть Змея, усеянная длинными клыками, перекусывала взрослого мужчину. Мощный хвост одним ударом сносил голову. Гибкое тело овивалось кольцом вокруг тела и перемалывало кости. Быстрый и сильный, Змей всегда достигал цели. Поистине великим было это зло.

Немного дней утекло, как принялось оно пожирать деревенских жителей и домашний скот. Стоило желтому диску на звездном небе налиться полным шаром, словно плод на древесной ветви, и спускался Змей с горного хребта подобно черной волне, дабы унести новую жертву – всегда только одну.

Силен был Змей: огибая телом углы домов, крошил и ломал он деревянные балки, в труху превратить мог даже камень, овив его кругом. Хитер и алчен был Змей: являясь ночами, оставался незаметен, только большие круглые глаза, выпуклые и далеко посаженные друг от друга, мерцали лимонным светом в непроглядной тьме. В гнетущей тишине чешуя чудовища шелестела, соприкасаясь с землей, словно тысячи насекомых. Тихо спускался он с гор, плыл среди темных домиков, объятых глубоким сном, следил за спящими и долго выбирал себе жертву. Ужасной была смерть от клыков его.

В той деревне у горной полуцепи жили отец, мать и дочь – девочка двенадцати лет от роду. Звали ее Лилит, и не было в мире более нежного, невинного и наивного существа, чем она. Не глядя на малый возраст, не было ей равных по красоте даже на Большой земле за ледяным океаном. Тонкий стан, глаза-изумруды и снежные волосы до колен очаровывали всех, кто видел ее. Молва путешественников рассеяла по всему свету рассказы о юной Лилит.

Луна за луною девочка росла, тело ее наливалось мясом, кровью и зрелостью, и щадил Змей маленькую красавицу, и не касался ее дома и кончиком хвоста. С нетерпением ждал он момента, когда завершится великий цикл, и понадобится ему плоть, способная выносить чудовищное потомство.

И вот, рассеялось небо, приближая миг своего конца, и решил Змей: «Хватит», и вознамерился похитить Лилит. Среди белого дня, купаясь в солнечном свете, спустилось чудовище с гор и поползло к селению, с корнем вырывая толстые стволы деревьев на своем пути. В оцепенение впали жители деревни, привычные к ночным нападениям. Страх великий объял каждого, и не нашлось бы среди них того, кто мог защищаться. Те, кто не лишился чувств и не потерял рассудок, стояли и смотрели, как длинное гибкое тело струится по земле черной рекою с блестящей рябью, как ищут кого-то внимательные желтые глаза, как сияет крупная матовая чешуя, что не пробить стрелою и не взять огнем.

В тишине огибало людей чудовище, подбираясь к дому, где жила избранная и предназначенная. И на беду не оказалось поблизости родивших ее на свет. Покуда солнце не спускалось на скалистый горизонт, не опасались отец с матерью оставлять в одиночестве чадо свое. Но надвинулось горе при свете дня, и никто не мог отвести его.

Догадывались жители, что наступит день, когда явится Змей, не пожрав никого, но дабы забрать с собою красивейшую из дев, что видывал свет. Тело ее нужно чудовищу, дабы завершить великий цикл, и откроется миру новое тысячелетие без смертей и гибели. Так исполнится пророчество на устах волхвов, предреченное духами предков, словам которых нельзя не верить.

И, обернувшись, узрела пред собою Лилит черное туловище, блестящее, как горный уголь, замерла на месте и выронила круглую чашу, полную молока. Разбилась у ног каленая глина, растеклась по земле жирная белая жидкость. Не было смысла убегать, ибо только за нею спустилось чудовище, что всегда настигало того, кто им избран.

Много повидала девочка смертей, дабы смириться со своею собственной. Но не стал Змей убивать маленькую красавицу, не причинил ей вреда. Бережно обхватил хвостом тонкую талию и возвратился в горы. И никто не смел остановить его, страшась мучительной смерти.

В темной пещере очнулась Лилит и долго плакала от горя. Густая мгла окружала ее, душила, твердые стены не имели проходов. Лишь когда забрезжил снаружи свет, стало видно, как ребристая глотка логова уходит вниз, в недра пещеры. На самом дне широкого тоннеля оставили Лилит.

Свет проникал совсем едва, и увидела девочка пищу, и бросилась к ней. Не осталось у нее сил даже на попытку побега. Слишком крутым казался ей выход из логова, слишком скользкими были стенки глубокой глотки, словно ползали по ним древесные слизи. Насытившись, заснула девочка прямо на земле.

Громкий шум разбудил ее погода. То чешуя змеиная терлась о стенки тоннеля, и глухо скрежетали ее пластины, каждая размером с дверь. Приблизилась к девочке широкая плоская пасть с выпуклыми глазами. Зажмурилась от страха маленькая красавица, но шум прекратился, и все затихло. Распахнула девочка зеленые глаза и узрела пред собою высокого мужчину в толстых складках змеиной шкуры. Чешуя рассыпалась на нем, словно зола, оставленная полевым пожаром.

– Для чего не погубило меня, чудовище? – прошептала Лилит.

– Не для того похищена ты из дома родного, – ответили ей.

И догадалась девочка: коль скоро не может она послужить пропитанием, то должна послужить продолжению проклятого рода, ибо сказано давным-давно: лишь самая красивая среди людей понадобится чудовищу через тысячу лет, и прежде сдвинется Мир с места, как страшное знамение, дабы вспомнили люди о том, что должно свершиться.

– Убей, – взмолилась девочка и пала на колени, обливаясь слезами кровавыми. – Убей!

Ничего не ответили ей.

Был Змей и в теле человеческом жесток по-звериному, сладострастен и алчен. Гипнотизировали пленницу золотые глаза его, и сделалась она безвольной, словно мешок, набитый тряпками. Отныне только ему принадлежала Лилит, и ничто не могло помешать осуществлению пророчества.

Долгое время Змей находился с девочкой, покуда не убедился, что семя его прочно осело внутри юного тела, созревшего носить плод. Тогда снова обратился он чудищем, и привалил ко входу в логово огромный кусок скалы, дабы не сбежала Лилит, и уполз добыть пищи обоим.

Лишилась девочка рассудка после того, что сотворили с нею. Покуда не было рядом желтеющих глаз, в изнеможении била себя по животу, дабы чудовищный плод не успел завязаться и окрепнуть во чреве. Однако известно ей было: лишь подарив наследника Змею, станет она ненужной ему. Новая жизнь послужит залогом к спасению старой, и рождение победит смерть, как и было предначертано.

И возвращался с охоты Змей, и вновь обращался мужчиной. Шел поначалу к избранной своей и прислушивался, сжимая девичье горло, и проверял, растет ли бремя, не загубила ли. И росло оно и развивалось внутри не по человеческим срокам.

Прознав о случившемся, отправился в горы добрый молодец. Жаждал он освободить Лилит от гнета Змея и заслужить право взять ее в жены. Не взял с собой оружия храбрец, дабы подвиг его стал действительно великим и жил много веков, прославляя род и семью его. Крупным и сильным был юноша, и множество подвигов, обычным людям непосильных, успел совершить за малый срок жизни своей. Сражался он с болотным чудовищем голыми руками и перегрыз зубами шею его жилистую. Схватился и со зверем лесным: ногтями разодрал волосатое брюхо и вынул наружу кишки длинные, пузырьчатые. Похитил у птицы огромной, живущей в горах, птенцов из гнезда соломенного размером с дюжину стогов сена. В воды морские нырял, дабы выдрать жабы у рыбины костяной, с шипами на хвосте и острыми плавниками, что рассекали камень, словно бы масло.

Знал добрый молодец, что голыми руками одолеет Змея, и деяние его станет сюжетом легенд и преданий потомков рода земного. Ко времени оному вырос зародыш во чреве красавицы, ибо звериным законам подвластно семя зверя, и поднял живот ей, и шевелился ночами проклятый клубок, готовясь выйти на свет. Привыкла девочка к похитителю, казался он ей простым человеком. Как прежде, редко говорили они меж собою, однако приносил Змей пленнице пищу и питье, выводил наружу ее, дабы могла прогуляться под строгим надзором обремененная змеиным семенем.

И вот, узрели они на пути своем доброго молодца. Вышел он из-за деревьев могучих и посмотрел на девочку и на мужчину рядом с нею, и понял он, что оборачиваться может чудовище древнее, а потому еще легче будет справиться с ним.

– Кто ты и для чего явился в эти владения? – вскричал Змей и схватил за руку Лилит, дабы та не сбежала.

– Я тот, кто одолеет тебя, чудовище мерзкое! – дерзко отвечал юноша. – Я пришел освободить девочку, дабы стать ее законным супругом.

– Ни к чему тебе губить жизнь свою, и без того короткую, в горах диких, безлюдных. Никто на помощь тебе не поспеет. Моих наследников носит она. Уходи, глупец, и назад не возвращайся.

– Не уйду я без девочки. Взгляни: безоружен я. Давай же сразимся в честном бою. Пусть заберет ее себе тот, кто окажется сильнее.

Тогда заплакала девочка кровавыми слезами. Долго ждала она спасителя, и явился он за нею, бесстрашный и могучий, дабы одолеть чудовище подземное, угольное, жестокое. Знала красавица: недолго осталось терпеть издевательства, скоро свидится она с отцом да с матерью, свадьбу сыграют скромную, и увезет ее муж любимый да ненаглядный в далекие края, где не бывает чудовищ.

Но обратился Змей к Лилит и сказал ей так:

– Знаем мы оба, что погибнет он. Если убежать задумаешь, все равно настигну тебя.

И, сказав это, прыгнул высоко Змей, обернулся кольцом и в мгновение ока из мужчины обратился в создание длинное, гибкое, черное, чешуйчатое. Одним ударом хвоста исполинского опрокинул героя, раздробив ему кости. Одним укусом пасти острозубой откусил буйну голову светлокудрую и с жадностью невиданной пожрал тело его. Не осталось на земле сырой и косточки доброго молодца, героя храброго и юноши смелого. И капли крови не осталось от него на траве высокой, на листьях древесных.

Вновь зарыдала маленькая красавица, пуще прежнего обливаясь слезами кровавыми. Мужем и хозяином стал для нее Змей, отцом потомства будущего. Живот ее рос стремительно, и все страшнее становилось девочке с увеличением срока. Близился час, когда неведомое выйдет на свет из чрева, опорожденного чудовищем.

И спросила Лилит у Змея:

– Почто избрал ты меня?

И ответил Змей, что полюбилась она ему боле всех прочих.

– Хочешь ли, дабы стала тебе женою и любила тебя и детей наших?

И ответил Змей, что хочет. И поняла Лилит, что так оно и будет, ибо ведала, что любовь к истязателю объяла ей сердце.

Страшные предродовые боли мучили девочку несколько дней. И пролилась на сырую землю черная кровь вместе с желтым гноем. И выгрызли девичью плоть изнутри и показались на свет первые змееныши. Крошечные и слепые, не превышали размером они человеческий палец, и тела их сплетались меж собою в черный червивый клубок.

И кричала роженица от боли и ужаса. Словно из подземного логова, выползали из нее детеныши, и было их бессчетное количество. Наконец, разрешилась мать от бремени, и опал живот ее. Провела она в беспамятстве некоторое время, а едва очнулась, узрела, как множество змеенышей длиною в локоть оплетали ей руки и ноги, словно ядовитый плющ в глубине дремучего леса. И сказал Змей, что боле она не нужна ему, но дети их нуждаются в пище.

Заплакала Лилит и поняла, что напрасно поверила Змею, ибо все, что сходило с уст его, было ложью. Ведь не зря говорили волхвы, что любая змея несет обман, и так рассказывали им духи предков, вышедшие из могил своих, и нельзя было не верить словам их.

И обратился тогда мужчина в чудовище угольное, блестящее, и точным ударом хвоста расплющил о скалу голову девочки, дабы не мучилась она, пока тело ее будут есть заживо. И пожирали змееныши плоть ее день, ночь и еще один день. Насыщало материнское мясо их силой особою, от которой росли они быстро, уподобляясь породе отца своего.

И расплозлось потомство Змея по всему свету, и поселилось в самых глубоких уголках его, и заснуло, дабы через тысячу лет, когда жив останется лишь один

из них, вновь завершить великий цикл, предначертанный началом времен. А Змей обернулся кольцом гигантским, опоясал черным телом воду и сушу, сомкнул пасть на хвосте своем, и не стало больше той деревни, и скалистых вершин, и белого моря, и ледяного ветра.

Запретная тема

Открыв глаза, я обнаружила себя в каком-то незнакомом помещении. По виду, спальне, и очень даже уютной, несмотря на вездесущий хлам. Рядом, с головой под одеялом, кто-то лежал. И, самое интересное, что моя нога (как я обычно люблю делать во сне) была закинута на тело этого человека в районе бедра. В глубочайшем шоке я не смела шевельнуться, лишь бы не разбудить мирно сопящего рядом.

Господи, где я? Как такая порядочная и правильная девушка, как я, может проснуться НЕ У СЕБЯ ДОМА? Неужели измена? Пьянка? Этого не может быть. Я всегда была верна своему парню. И никогда не гуляла в клубах и шумных пьющих компаниях. Но это не дом моего парня! И это явно не его тело полностью под одеялом. Из горла вырвался хрипловатый стон разочарования и сожаления. Я не пью, не гуляю и не курю траву, чтобы вот так просыпаться в беспамятстве неизвестно где и с кем! Что же происходит?

Я находилась в такой панике, что не могла вспомнить даже вчерашнего вечера. Мысли спутались, как волосы после сна. Да-да, как мои волосы сейчас. Малость взяв себя в руки, я попыталась найти самое логичное объяснение происходящему. Кажется, я просто спала до этого, либо сплю сейчас. Мне все это или приснилось, или сейчас снится. Либо меня похитили. Что тоже, впрочем, маловероятно.

Дыхание пришло в норму, и я стала рассматривать комнату, постепенно находя ее знакомой для себя. Определенно, я тут была. Это стало точно ясно после минуты подробного осмотра. Но когда именно? В душе поledenело. Неужели?.. Я была тут раза два в жизни. Один раз я проходила тут тест по истории, когда у меня не было интернета, а другой раз – я ела тут клубнику. И это было гораздо, гораздо раньше. Около года назад.

Прояснение ситуации все только усугубило. Если я была права – это не сулило ничего хорошего. Это означало, что я, скорее всего, изменила своему парню. Этого факта я никак не могла принять. Я совершенно не такая. И этого не может быть. Хаос в голове снова поднялся, как ил со дна реки. Но в тот момент, как я начала вроде бы смутно припоминать вчерашний вечер, тело рядом зашевелилось, совершенно выбив меня из колеи. Пока оно лежало неподвижно, я могла думать, вспоминать, проклинать себя – все, что угодно, но теперь я не могла думать ни о чем, кроме одного. Сейчас одеяло опустится, и я увижу...

Из-под белой ткани показалась русая голова, затем – заспанное лицо молодого парня, с острым носиком и серыми глазами-листочками. Я вскрикнула от испуга и упала с кровати, попытавшись убежать в положении лежа. Самые худшие предположения подтвердились. Тело поднялось и удивленно вскинуло брови, оказавшись моим одноклассником. Одеяло откинулось, и я увидела, что на нем кроме спальных шорт ничего нет. С ужасом я осмотрела себя, все еще не вставая с пола – слава богу, я была одета. Причем одета как-то странно, совсем не в спальное: безразмерная серая майка с черепом, такие же не по фигуре шорты, мужские носки. Лифчика нет.

Я смотрела на него с пола, а он, с кровати, уже сидя, на меня. Оба ничего не понимали, но яро пытались вспомнить. Его волосы торчали вверх, обветренные губы были плотно сжаты, добрые глаза насторожены. Я решила даже не предполагать, как сама сейчас выгляжу.

Схватившись рукой за одеяло, я начала медленно подниматься обратно на кровать. Медленно. Вот я уже на кровати. Сажу рядом с ним. Мы все так же молча продолжаем смотреть друг на друга. Будто и не видели друг друга два этих года, что вместе учимся.

– Между нами ничего не было? – с надеждой спросила я.

– Нет. Ты не помнишь, что ли?

– Смутно, – ответила я. Как же я обрадовалась отрицательному ответу!

Мы с Валерой никогда друг другу не симпатизировали, мы дружили. И довольно крепко. Мы почти всегда сидели вместе, из какой-нибудь жопы, куда вместе

попадали, выбирались тоже вместе. Эдакие два шутника-затейника в группе. Сначала мне понравился Валера, как мальчик, в первый день на первом курсе. Но когда я узнала его получше, то поняла, что никем больше, кроме друга, он для меня никогда не станет. Основой нашей дружбе послужила небольшая борьба характеров, случившаяся еще в начале первого курса. Мы долгое время не любили друг друга. Да что там, я его просто ненавидела. Пройдя этап с колкими высказываниями в адрес друг друга и черными списками в социальных сетях, мы как-то незаметно стали дружить. Сначала – в одной компании, потом откололись.

Я всегда знала, что Валере нравится другая девочка. Много других девочек. Я в его вкусы не вхожу, никогда не входила. И о ревности не могло быть и речи, хотя я порой и признавала за собой негласный грешок. Мимолетный.

Мы хорошо общались, хорошо и часто. Обнаружили много общих интересов, даже чувство юмора у нас было практически одинаковое. У нас было столько приколов и специальных фразочек, которые больше никто не понимал. Даже танец был свой. Иногда одноклассники, наблюдая за нашими выходками, крутили пальцами у виска. Любовно, понятное дело, без презрения. Наш с ним общий дебилизм никогда не отталкивал людей, наоборот, притягивал. Дурачков любят, шутов любят, и таких придурков, как мы, тоже жаловали. Но так было. В последнее время мы общались намного хуже и реже. Все из-за одной девочки. Ну, и моего очень ревнивого парня.

Я никогда не могла представить нас с ним, бывших хороших друзей, в одной постели. Именно как парня и девушку. Нет, никогда. Но ирония судьбы вносит в жизнь свои коррективы. И теперь мы имеем то, что имеем. И все-таки как же я рада отрицательному ответу!

– Внатуре не помнишь что ль? – удивился он.

– Бля, сказала же, что нет.

Вот он, наш обычный тон общения. Теперь я почувствовала себя в своей тарелке. Любовники, проснувшись в одной постели, явно так друг с другом не разговаривают. Наверняка это все какая-то грандиозная ошибка...

– Ну епте, – он негодуяюще вскинул руки вверх и закатил глаза. Тоже давно изученная манера реагировать. Так Валера выражает удивление, негодование, возмущение и даже злость. – Я ей помогаю, а она потом даже не помнит!

Мы оба начали улыбаться, постепенно понимая, в чем дело и почему мы проснулись в одной постели у него дома.

– Я вчера не смогла уехать домой из города... – осторожно начала я, подбирая слова, – потому что...

– Ты написала мне, что на последнюю электричку не успела, а денег на автобус не хватит...

– Точно. Теперь вспомнила. Я так испугалась, что я не дома, и со страху все позабывала.

– Ну и когда ты теперь домой?

– Ты охренел? – разозлилась я. – Я только встала, а ты меня сразу гонишь!

– Да не гоню я! – раздраженно повысив голос, возразил он. – Просто спросил, че, ты ж тут жить не останешься все равно.

– Спасибо, что выручил. Что бы я без тебя делала? На вокзале ночевала?

– Не за что, – все еще недовольный моей вспыльчивостью, ответил Валера и уставился на меня.

В тот миг я почувствовала, что еще никогда за эти два года, что мы с ним знакомы, у нас не было возможности вот так наедине поговорить. Открыто, честно, искренне и о чем угодно. Без посторонних ушей и ртов, любящих разводить сплетни на пустом месте.

– Почему ты лег со мной на диван? – прикусив губу и заправив прядь волос за ухо, спросила я.

Вчера, когда я ложилась спать, он еще сидел за компом. Он вообще задрот на тему стратегий еще тот.

– Пф, а ты видишь еще какую-то кровать в моей комнате?

– Нет, но я думала... Не знаю.

– Ну и че, я из-за какой-то женщины должен на полу мерзнуть? Диван – огромный. Че я тебе, мешал, что ли?

– Вроде нет, – ответила я, вспоминая, как спала, преспокойно закинув на него ногу. – А я тебе?

– Мне вообще пофиг. Я спал как убитый.

– Хочешь, я пожрать приготовлю? Как знак благодарности за ночлег?

– Не. Мамка не любит, когда ее посуду трогают. Так что не надо.

– А она еще дома? – испуганно прошептала я, отпрянув.

Валера протянул руку к тумбочке и взял свои наручные часы, которые я за время нашей дружбы таскала на себе уже много раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kupriyanova_mar-yana/mercayuschie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)